

Литературно-художественный журнал

ЕВРОПЕЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Выпуск 22

Кёльн 2026

Литературно-художественный журнал

ЕВРОПЕЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

**Выпуск 22
Кёльн
2026**

Содержание

Александр Путяев	4	Peter C.Koscera	44
Ольга Олгерт	9	Елена Нигри	48
Lluís Peña Garcia	14	Джелал Кузнецов	53
Ирма Молочная(Крекнина)	15	Надежда Буранова	56
Валерий Целинский	19	Андрей Душечкин	61
Ольга Афиногенова	25	Альбина Морозова	66
Максим Шеин	28	Ярослав Пичугин	70
Светлана Сырнева	31	Наталья Седова	72
Александр Рудой (Alex RA)	34	Дмитрий Авраменко	74
Светлана Ос	35	Михаил Цойреф	78
Анатолий Белинский	40	Регина Оберемко	82
Сергей Тарасюк	43	Юрий Майзен	83
		Ярослав Антонюк	85

В журнале представлены фотографии Lluís Peña Garcia,(Barcelona) Ольги Олгерт (Кёльн) , Alex RA(Александр Рудой) г.Москва), Ярослава Антонюка г.Астана) Peter C.Koscera(New Badford) , Сергея Тарасюка(г.Гродно).

Все материалы публикуются в авторской редакции

Редколлегия

Ольга Олгерт, Кёльн- главный редактор

Павел Верницкий – редактор,
журналист.

Яков Ринберг, Кёльн, журналист,
дизайн., ответственный редактор

Импресум

**Европейская словесность
Evropejskaâ slovesnost'**

Ausgabe 22, 2026
Verleger: Olga Olgert,
Verantwortlich i.S.d.P.R. O.Olgert
E-Mail: slovesnost@web.de
ISSN 2194-1211

Olga Olgert

Александр Путяев
(17 августа 1947 года. -
12 мая 2020)

Александр Путяев родился в г.Москве. В школьные годы посещал литературный кружок при Доме культуры строителей^[1], которым руководил литератор Симон Бернштейн^[2]. Лауреат Фестиваля молодёжи в Москве – золотая медаль и диплом первой степени. Скрипка. Класс Бориса Томашова. В 1965 году, в семнадцатилетнем возрасте, близко сошелся с Леонидом Губановым, сочувствовал созданному им независимому литературно-художественному объединению СМОГ, вступить в которое не представилось возможным по возрасту. В 1968 году окончил Московский архитектурно-строительный техникум^[3]. Работал корреспондентом отдела культуры и информации в газете «Московская правда» (1968—1970), корреспондентом вещания на США Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию (1970—1972), редактором и выпускающим колонки «Весёлая пятница» в «Строительной газете^[4]» (1972- 1974). Стихотворения, проза и эссе Александра Путяева публиковались в «Литературной газете», журналах «Юность», «Смена», «Европейская словесность»^[5]. Член МФХ - живописец. Картины в музеях мира и частных коллекциях. Изданы книги: "Дырочки от флейты", "Любовь спаси и сохрани", сборник рассказов в двух частях "Русское забулдыжье" тиражом 100 000 экз.

Господи, нимб золотой накрени
И приглядись –
всё опутано мраком:
Только что в доме горели огни,
Только что небо –
как булочка с маком.
Столько печали – рукою подать –
Куст распусти –
ну, чего тебе стоит?! –
Может,
боишься задеть провода
Над деревушкой? –
так это –
пустое:
Дождь по ним лупит,
а ток не бежит,
Носится рядом –
подсолнухи метя –
Что ему чья-то несносная жизнь,
Или же чайник остывший из меди?
Просится кот на порог.
Но петлёй
Сдавлена дверь,
будто ждёт своей казни.
В тёмном сарае – лопата с пилой.
Жутко!
А мне вспоминается праздник...
Август.
Заваленный фруктами стол –
Коротконогий –
как прившая такса...
И надо всем, что пройдёт –
ореол
Милых чудачеств с мольбою
Остаться.
Будто бы эхо молчанья ловлю,
Что-то пишу торопливо
на синем...
Только что в небе витало
«Люблю»!
Чушь! Волшебство –
Недостойное сгинуть?!

По ночам кусают листья губы
Оттого, что я не их коснусь
Вспененным седой волною чубом,
Отходя с печалями ко сну.

Наши слёзы высохнут от жажды
Светлой грусти. Этого боюсь!
Потому – по нитке бус на каждый
Придорожный ярко-красный куст!

Нежная, улыбчивая осень...
И – немного грустная, когда
Ни о чём тебя уже не просят,
Разве – чтобы брился иногда,

Ноги вытирали о парусину,
Не кричал во сне, что видишь как
С мачтой паруса вгоняют в спину,
Потому что крылья жмут слегка...

Лучше... – чтоб как в тонкой паутине,
Не из нитей – из волшебных струй,
Свет дрожал очей небесно-синих,
Карауля каждый поцелуй.

Взвейся небо в пятую октаву,
Где не ходит ток по проводам!..
Жизнь –
Такая сладкая забава –
По карману нищим и богам.

Осень Чистопрудная!...
Осень
за окном.
Время слушать "Лунную"
сидя за столом,

где свеча распластана,
как скрипичный ключ.
Пиано это –
пасмурно,
форте – светлый луч,

что бежит по клавишам
белых облаков.
Как же ты мне нравишься –
музыка без слов!..

музыка с пассажами
от самума*
к штилю,
с медленным адажио,
с заводной кадрилью;

со струной
гонимой
человечьей
болью
–
как у Паганини –
пылью
канифоли.

Мне бы
по линеекам,
очертя
лететь
чрез
диезы
вечности –
вместе умереть;

не следить калошами,
перейдя порог...
Все вокруг оглохшие,
но не я,
не Бог!

Осень Чистопрудная –
как без слов
словарь.
Время слушать "Лунную"
и стихи слагать.

... к Августине*

Две вещи в мире бессловесны:
Очки и зимние носки,
Но с тёплой нежностью в довесок,
С начёсом утренней тоски.

Я помню спицы на подушке
И несговорчивую нить,
В густых, сермяжных завитушках,
Что ты пыталась приструнить,

Пока я мучил кашу ложкой,
И строил в миске на столе
Свой мавзолей для кашалота
Из масла, жижи и желе.

Ничто не вечно и не носко,
Но, право, смертью смерть поправ,
Вверни для прочности по-польски
Хотя бы грозное – «Псякряв»!..

Я буду знать! Я буду верить!
Что оттого лишь не слышны,
Что кто-то смазал эти двери
Машинным маслом тишины;

Что с плюсом нежности небесной
Глаза твои из черной мглы
Следят за мною – бессловесны,
Но так любимы и теплы!

• - Бабушка по польской линии.

МАМЕ

Ты всё о прежних мелочах:
О спичках – вот же, под рукою, –
О потерявшимся ключах,
О нашем счастье и покое...

Тот светлый парус вдалеке –
Как журавлиный клин над нами...
Перекести его, родная,
Как хлеб и соль в моей руке.

Я буду знать, что впереди –
Иного берега полоска,
Пусть –
из растаявшего воска
От свечки, что прижал к груди.

В коробке с сургучом от водки –
Игрушки в перемешку с ватой,
Иголок высохших заколки
И дух старинного Арбата.
Здесь все еще часы колдуют.
В них волшебства осталась сила
Дел Новогодних Стеклодува.
В шарах стеклянных ночь застыла.
И, снятое с зеленых веток,
Без простины и без подушек,
Здесь на гирляндах разноцветных
Ночует время равнодушно.
Перебирая рой снежинок,
Что вместе с мамой вырезали,
Припоминаю, как смешили
Нас куклы с добрыми глазами.
И смех, и плюшевый их топот,
И пуговичных глаз свеченье –
Как в ожидании Потопа –
В картонном спрятаны ковчеге.
Все, что зовется мишурою,
Что мусорщик в печи сжигает,
Вдруг за волшебною чертою
Без нас под елью оживает?
Спасенья ждут шары и шторы,
Разбитые впопыхах тарелки...
Все твари, целовал которых,
И фантики с портретом белки.

Ты укройся этим старым пледом:
Там тепла накоплено с лихвой.
Оставляю радостное лето
В томике неизданных стихов.

Что ещё случится
Не со мною,
Что ещё предугадать смогу?
Встанет память белою стеной
Между мной и тенью на снегу.
Всё исчезнет,
Что собрал по нитке,
Что один по-нищенски любил.
Точно в Красной книге,
На страничках –
Белый свет
Обугленных чернил.

О, что за новость! Оттепель! Весна!
По лужице летит кораблик белый!
(Жаль краска на подрамнике окна
Пожухла и местами облетела).

Как это было всё-таки давно,
Когда я жил ещё ничем не мучась,
И сам Господь ссужал мне озорно
«Считалочки»: кому – какая участь.

Я видел запустевшие сады,
Я помнил, как ветшают снегопады
И как лежат бумажные цветы
В беспамятстве у краешка ограды.

Я родом из доверчивой страны –
Пришедший вслед за белыми свечами
Под ласковую сторону луны –
Обжечься человеческой печалью.

Мне незачем к счастливым дням просить
Какой-то незначительной прибавки:
Ещё чуть-чуть серебряной росы
Для примуса не из казенной лавки;

Ещё немного солнца и тепла,
И сонных волн у сомкнутых коленей...
Не жизнь так бестолково протекла,
А расплескались чудные мгновенья.

Так хочется и дальше видеть сны
И с буквами дружить, а не сражаться,
Сложить картины у твоей стены:
Ведь там, где я, – там не к кому прижаться...

Зеркальные часы в том далеке
Не тикают, а медленно кружатся
И не умеют виснуть на руке,
Спешить, иль отставать и уничтожаться.

Им только вечность – близкая родня.
И стрелки, соскользнув в петлю
пространства,
По выдоху легко найдут меня,
Увязнув в бренной сути постоянства.

Я видел смерть и отводил глаза.
Мне ведомо, как страшно привыканье.
Мой взгляд искал углы, где образа,
Которые ты трогала руками.

Дыхание моё рвалось к окну,
Где щебетанье птиц туманит разум;
Я замышлял какую-то одну,
Никем ещё не выбранную фразу.

Я умолял: «Высочество!.. Сейчас...
Ну, право же, я вам ещё не пары...
Мы встретимся однажды при свечах,
И под руку пройдёмся до упада...»

Мы встретимся, мы выживем в раю.
Для вас я распишу сады цветами...
Ну, а сейчас я, правда, на краю,
И думаю, что делать со стихами,

Ведь вам от них – ни пользы, ни вреда.
У вас есть всё, чего иным не снилось...
Привыкните, а это – Божья милость,
Рифмованная
Ерунда»!

Когда займут все переулки,
Все площади
И этажи,
Напомни,
что и мне должны
Хотя бы литр в собачьей будке
Поставить,
помня,

что я жил,
Срываясь кистью виноградной...
И это будет мне наградой:
Уж искушать – так искуши!
Есть площадь Пушкинская.
Гоголь
Почти что едет на метро.
А мне?! –
Хоть плохонький, фильтровый,
И пусть без кепки и пальто.
Вся знаменитая орава
Отметиться в веках спешит...

Пусть будет «Сашина Застава»
По требованию души.

Да вся моя жизнь –
Новолунья химера!
Однажды. Однажды. Однажды. Однажды
Сойдёт ко мне вечер с полотен Рибера,
И вспомню Мадрид,

изнывавший от жажды.

Святая Инесса,
Твой атлас неточен:
Лишь звёзды, да звёзды,
А где ж многоточья,
Что я отправлял вам с вокзала Аточа*
Глазами,
в которых мимоза клокочет?!

Мне веки казались ступенями ада.

Они тяжелели.

Но так им и надо:
Пустили слепца из Нескучного Сада
Часок потоптаться под окнами Прадо!...**

* - Аточа - железнодорожный вокзал
в Мадриде

** - Мадридский музей

Ты ищешь камешек, чтобы в нём
Зияла брешь и свет сочился.
Но плоть его древней, чем числа
И хаос, сплавленный огнём.
Душа из плена в океан
Скользнула в поисках нирваны...
За этот маленький изъян
Не превращают в талисманы.

Рассвет в глухи. Пораньше встань, –
И умились: цветет у Фёклы
Провинциальная герань
С манерами цыганской свёклы.
Из рукомойника – вода,
А молоко – в холодной крынке.
Вся деревенская еда
Не в курсе грустных цен на рынке.
Картофель в грубой кожуре,
Как тракторист без телогрейки...
Но кушать подано уже.
– Что должен вам?
– Да, брось... копейки...

О, бескорыстная душа,
Рождённая в отцовских порках, –
Уже ли даже шалаша
Не заслужила ты
 с конфоркой?
Так и умчишься –
Налегке.
Под окнами замесят слякоть.
Но место будет в уголке,
Где пред иконой можно плакать...
А ты и там пораньше встань:
Пусть зацветет, буравя стёкла,
Твоя внебрачная герань
С чертами
 не славянской свёклы.

Окно. И белая стена.
И свет бумажный.
И дверь последняя.
Она
Не скрипнет даже.
Не слышно шорохов
За ней.
И тени в белом –
В своем уме,
В своем уме –
Как в круге первом.
Спешат укрыть своим плащом,
Любовью бредят:
Как все же суетны еще –
Как в круге третьем.
Слова –
Как будто дыма клуб.
И речь невнятна.
Круги расходятся от губ
Лиши в круге пятом.
Круги. Круги.
Круги кругом.
Мутнеет разум.
Я был бы круглым дураком –
Пройдя
Все
Разом.
Ищейкой по снегу... -
Под лед... -
Идя по следу,
Объятий круг тебя спасет,
Мой круг последний!

Уже ли это надо мне?!

Да нужно ль –
В наушники впускать тебя и Баха,
И запивать таблеткою от страха
Сонаты, что прописаны
Наружно?!

Неужто это нужно мне:
Натужно
Помешивать сиреневые стены –
Как крепкий чай без сахара и кружки –
Горячий –
 точно кровь из гибкой вены?!

За что такая адская работа,
Когда височную зашкаливает
 фазу,
В которой есть божественное что-то,
Но вовсе не похожее на разум...

Ведь был момент у снимков старых
Не получиться, не собраться,
И на виду у самоваров
На выдержку не ту нарваться.

И был момент под проявитель
Не угодить в домашней ванной,
Иль раньше времени явиться
На свет, внезапный и желанный.

На снимках всё прекрасным вышло,
Что задержалось, зазевалось:
Цветы, скамейка, кот на крыше...
А ты?.. Ты в доме прибиралась.

И я подумал: и прекрасно –
Ещё ведь борщ разлиться должен...
Обедать позовут с террасы....
И пусть зовут, как можно дольше.

Пусть не спеша подходит тесто,
Пусть леденцы подольше тают...
А то ведь это так не честно,
Что жизнь – как снимок моментальный.

Ольга Олгерт
(г.Кельн)

Родилась в г. Целинограде (сейчас – г.Астана.) С 1998 г живу в Кёльне. Публикации в российских и зарубежных литературных изданиях, антологиях "Земляки", "Четвёртое измерение", "Форма огня". Автор книг "Игры на облаках", "На южном побережье января", "От третьего лица", «За створками рябиновых кулис», «Выше, чем время», «Поэт по имени Париж». Стихи Автора переведены на французский, английский, испанский, немецкий, армянский языки.

А в старом парке – тот же зной,
И рубит ночь стихи каштанов,
И Мандельштам идёт за мной,
А я иду за Мандельштамом,
Туда, где сумрачность теней
С дыханием вечера поспорит,
Где суеверный Одиссей
Перешагнёт, как лужу, море,
Чтоб видеть истины во мгле,
И вечно жить, и быть мгновенным,
Где конь Троянский так же слеп,
Когда идёт во тьме Елена.
Где полудней и полусфер
Летит июльская прохлада,
И пишет в будущность Гомер,
И не кончается Эллада.
И ночь идёт в начало дня,
Где лисы тропы ловят зайцев,
И заповедь всегда одна –
Не верить в искренность данайцев.

Прошу, ищи свой свет неистовый
В потемках неба карамельного,
Где разговорчиевые истины
Своей мечтой и хлебом делятся ,
И делят мир ночные странствия,
И расцветают сны случайные,
Где ты один конфуцианствуешь,
И строишь мост, но он качается.
Вдали от шума караульного,
Ты ждёшь наград, любви и почестей,
А снег идёт один по улицам,
И пьёт канцоны одиночества,
Но вдруг случается – над городом –
Земное чудо, словно оттепель,
Приходит музыка –
Не гордая,
И обнимает снег за окнами.

Осколки звёзд в моем блокноте
Несут на крыльях соловьи.
Взойду на облако, где Гёте
Писал сонеты о любви,
Где птицы с небом говорили,
И падала во тьму строка,
И раздавал советы Шиллер
Голубоглазым облакам.
И Веймар знал секреты вёсен,
И волны Ильма – по утрам
Ловили звуки слов и вёсел,
И подпевали рыбакам.
В дыму земных четверостиший
Там длилась вечной мысли нить,
Где голос Фауста над крышей –
Любить, безумствовать, творить!
Где жизнь – по зимнему двулика,
Впадает реками - в зарю,
И улыбается Ульрика
Поэту, магу, бунтарю,
Что рвёт луны цветные струны,
Когда сжимает боль виски,
Где зов души , и парус лунный,
И ветер сердца – вечно юный,
И – огненный размах строки.

Не верь глупцу в дыму безвременья,
Его душа не знает жалости,
Его тоска зимой беременна,
Где вопрошают снег – осталось ли
Бегущих дней, что спорят истово,

О том, кто на Земле останется,
Где даже сорванные истины
Смешной гурьбой за ветром тянутся.
Где зависть – выцвела с туманами,
На троне – снова скоморошество,
Где тропы в давность – деревянные,
И за портьерой тени прошлого
Встают, с раскрашенными лицами,
В театрах дней – премьера гордости,
Где ты напишешь мне – приснится же
Такое в ночь, седую, горькую –
Что пишет лунные пародии,
И дарит нам китайских слоников,
А утром – новая мелодия,
И смех зимы на подоконнике.

А в зимнем парке вянут лилии,
И белых дней длиннее нет,
И носит снег мою фамилию,
Какой непостижимый снег!
Он гость из хрупкого, вчерашнего,
Лежит у ног, а мог уйти,
Туда, где жизнь в тоску покрашена,
И наших мыслей – серпантин
Летит, журча, над сонным городом,
Не помня горя и обид,
И снег, подняв седую голову,
На голос мой в любовь летит,
И дарит мне софиты творчества,
И предрассветные слова,
Спасая мир от одиночества,
Он станет рифмой колдовать,
И тень его, во тьме безликая,
За мной загадочно следит,
И носит снег мой сон оливковый
Как спелый орден, на груди,
И жизнь взлетает за портьерами,
И кажется, она – легка,
И я целую в губы первая
Летящий призрак сквозь века.
А ночь зимой – такая долгая!
И ящик сновидений пуст,
И снег бежит,
Босой,
По облаку ,
А я догнать его боюсь.

На каждый миг – своя эмоция,
Природа празднует и странствует!
И лес, где снег играет Моцарта,
Звучит, как сон – протуберанцами,

10

И ветер снов бежит по клавишам,
Рояль в снегу – звучит метелями,
Ледовый мир, ты снова нравишься
Луне, чья правда – акварельная,
Чей взгляд – во тьму – взлетает искрами,
И ветви сосен – диригируют
Оркестром ночи,
Где, скалистые,
Играют струны дней надмирные.
И мы летим –листами шумными,
И снег целует лица, клавиши...
Закат в лесу играет Шуберта,
Душа, когда же ты расплавишься?
Когда расплачешься аккордами,
Вся соль Земли – в твоих арпеджио...
И речь твоя летит над фьордами,
Как скрипка – зимняя и нежная..
А нам с тобой леса окрашивать
В цвета любви и ноты мудрости,
И каждый день у жизни спрашивать –
Зачем ты хрупкая, как музыка?

Меняю дождь на снег вчерашний!
Виват декабрьской новизне!
Смотрю – и Эйфелева башня
Вновь появляется в окне
Моей готической гостиной –
Мираж, живущий до утра!
Где Кельн хранит свои картины,
И не кончается игра
С летящим веком,
Где, как прежде,
Читают сны, мечту храня,
И весь Париж – большой и снежный –
Как сон, в ладони у меня.

Декабрь. Зима. Кларнета соло,
Париж вечерний ждёт гостей!
И пьёт бордо полночный город -
Танцует Ида Рубенштейн!
В руках – цветы и кастаньеты,
И льётся музыка из глаз
Души влюблённого поэта,
Его пожар и снег не спас.
Когда бушует в небе лунном
Метель – до самого утра,
И снег натягивает струны,
И все пути – в Гранд опера
Ведут,
И в облаке туманном
Слышина, как эхо, – ветра дробь,

Так оживают барабаны,
Так возникает Болеро!
И свет за окнами танцует,
Парижский снег – один на всех,
И губы – в танце поцелуя,
И алый пояс, алый смех!
Здесь игры флейты и фагота,
И ввысь летит виолончель,
А снег... ему не до полётов,
Когда на улице – Равель!

Альбине Морозовой

Женщина без возраста и времени
Обнимала тёплый смех Эльбруса,
В женской правоте своей уверена,
Заплетала локон темно -русый,
Лунный локон
В мире над безмолвием,
Там где тропы – горные, скалистые,
Где взлетали радуги и молнии
И казалась речь метели искренней,
Дождь с Листвой играл под вечер в шахматы,
Где закат,
Забыв волну Эгейскую,
Танцевал,
И пели тропы шаткие,
И казались тучи эдельвейсами,
Там, где дышит мир морозным воздухом,
Где туман не старится годами,
Женщина вне времени и возраста
Знает все законы мирозданья.
Где живут от нежности до мудрости,
Строки, в зимних шапках скалолазов,
Женщина, прекрасная, как музыка,
Пишет в полнолуние рассказы.

Не ждите слов – случайных, бледных,
От стен лесных библиотек,
Где за весной идёт по следу
Влюблённый в зиму человек,
В тени поющего платана,
Чей голос кутается в шарф,
С ним безрассудно строить планы,
Как пить с луной на брудершафт,
А вам – играть свои полёты,
Где смелый слог, и нежный пульс,
И – кем-то найденные ноты,
И – слалом снов и ярких чувств,
Где марта – ласковая гавань,
И дерзкий путь игры в слова..
А без поэзии – куда вам
Идти, по нитям волшебства?

Танцуй,
Цветок земного сада!
В твои полёты влюблены
Глициний майских водопады
На звонких улицах весны.
Где небо – новые спектакли
Готовит, выюги погасив,
И даже в пенье серой цапли
Ты слышишь солнечный мотив.
И нарисована дорога
Вдоль звездопада дней и лет,
Где все весеннее – от Бога –
Тебе – в подарок – на Земле.

Не нужен мне загадочный Египет,
И соли нарисованных морей,
Продлите осень, я прошу, продлите!
Как самый лучший праздник в янтаре
Летящих листьев,
Бережных и звонких,
Чья радость не во сне, а наяву,
Я осенью - смешливая девчонка,
Я каждый лист по имени зову!
И кажется, что прожит не напрасно
Осенний день, мой призрачный магнит.
Я тоже лист, что с дерева Парнаса
Сорвался
И летит, летит, летит...!

А у зимы – своя мелодия,
Салюты снега в облаках!
Олимп – твоя вторая Родина,
И ты выносишь на руках
Меня, как снежную симфонию ,
Чьи песни помнит хвойный лес,
Чьи ноты эллины запомнили,
И снега ждёт Пелопонесс.
Где каждый миф – крылатый уникум,
Летает близко от Земли,
Я – снег, а снег не носит тунику,
Зачем мне снова на Олимп?
Где править звездами – свобода ли?
И тайны неба далеки,
Зачем тебе моя мелодия,
Где нет тоски?

Мон – Сен – Мишель
(Mont Saint-Michel)

Друидские легенды ноября
Читает то ли замок, то ли остров,
Где факелы Прошедшего горят,
И время гасит факелы без спроса
В старинных книгах,
В каменных лесах,
Святилище Дракона - не забыто,
Здесь викинги , непомнящие страх,
И призраки, чья искренность – двулика,
Шли приступом на край ночной Земли,
Менялись вехи, идолы, пророки,
Менялся мир,
Встречались короли
В подземных залах,
Пышных и убогих.
И мы с тобой пришли сюда – на миг,
В момент неторопливого отлива.
Где остров – твой по имени – двойник,
Целует ночь,
И ждёт нетерпеливо
Когда Земля,
Плывшая в рассвет,
Отдаст ему бессмертие с излишком...
А остров, знаешь, всё - таки поэт,
И он, как ты, влюблён в меня неслышно.
Где чувств моих осеннюю капель
Вдохнет туман что небом нарисован,
И ночь произнесёт: «Мон– сен– Мишель»,
И я отброшу первые два слова.

Лицо луны в распахнутом окне
Мне в душу смотрит,
Мудрость обещая,
И я встаю, вскипает лунный чайник,
И что ещё сегодня нужно мне? –
Искать в листве багряной имена
Эпох, событий, старых добрых сказок,
Где листья – словно алые алмазы,
И будущность листвой населена.
Где каждое мгновенье - про любовь,
Небесный луг опять раскинул сети...
Луна, луна, ты даришь столько слов!
А я не знаю, чем тебе ответить..

Усилить сияние осени в тыщу ватт,
Где в тучах играет мазурку твой гид
астральный,
Тогда бы советы давал нам во сне Сократ,

И сны – танцевали!
Запомнить цитаты, что пел по ночам Платон,
Парить невесомо на лиственном дирижабле,
И выйти с рассветом на призрачный свой
балкон,
Где Ньютон следит за полётом осенних
яблок.
Держаться за строки, как будто они – спасут,
От сырости, гнева, печали и мокрых истин.
Грааль отыскать, словно лунный лесной
сосуд,
В платановых листьях.
Бродить, словно ёж, в предзакатных лесных
словах,
И музыку видеть в кленовых лесных узорах,
И стать полнозвучней,
И помнить – она жива , -
Поющая Кора.
Где солнце осеннее пишет земной рассказ,
О том, что столетье – легко уместить в
минутах.
Где ты открываешь закон притяженья фраз,
А может быть, Ньютон.

Дыханье хризантемы у запястья,
И листьев водопады – у виска,
Здесь так легко с любовью повстречаться,
Что в ночь летит на свет издалека.
В осеннем небе ветreno и мглисто,
Но вспыхнет миг – лови его лучи!
И жизнь читает Бунина,
Так чисто
Она звучит!

У поэтов свои законы –
Верить звёздам в еловых кронах,
Шить для спящих цветов короны
Иходить по бордюрам снов.
У поэтов свои приметы –
Верить в чудо в дыму рассвета,
Рисовать по ночам сюжеты
Для осенних степных костров.
Где сжигают печаль ночную,
И поэты судьбой рисуют,
Заходя на тропу лесную,
Слов несказанных короли!
Там, где нежность до слов раздета,
Что придумают стражи света,
Если осень в руках поэта –
Говорящая ткань Земли.

Письма из Помпей

Корнелию от Каллисты

Фрески на стенах, цветы левкоя
Вещих времен невесома гладь.
Если бы ты говорил со мною,
Мне бы хотелось во сне летать!
Там, где созвездья до слез разулись,
Слышится шёпот остывших плит.
Тайна, что знает один Везувий,
Мagma и пепел чужих обид.
Может быть, это за жизнь расплата,
Дни в ожиданье плохих вестей,
Может быть, зря поклонялись злату
Люди, прожившие в суете?
Чтоб не случилось, я рядом, слышишь!?
Наши дороги сегодня – в Рим,
Мильй Корнелий,
Смешной мальчишка,
Ты за мгновение стал седым.
Движется лава тоски и гнева, –
Так негодует душа Земли,
Видишь, как слезы роняет небо,
Огненной речки меняя лик.
Знаю, мы будем опять другими,
Сможет ли сердце любить сильней
Жизнь – у которой осталось имя
Пеплом укрытых во сне Помпей?

Это будет потом – наши встречи в Риме,
Терпкий запах гвоздики, шафран и мед,
Это будет потом,
А сейчас, любимый,
Мы фантазии в небе и наш полёт
Над полями и снами лесных акаций,
Обгоняя весёлые стаи птиц,
А над Римом – весна
И рисует Тацит
Мысли образы,
Тайны забытых лиц.
Плиний Младший напишет посланье брату
О засыпанной пеплом душе Помпей,
Это будет потом, а сейчас – крылаты –
Наши судьбы,
И строки,
В потоке дней.
Волны Тибра целуют мои запястья,
И со стен Колизея взлетает ночь.
Разбуди мои песни – они о счастье,
Где почти не бывает печальных нот.

Я знаю то, о чём не спорят
Друг с другом – в небе – стаи снов,
Переплыну сегодня море,
И посмотрю поверх голов
Летящих в зиму пилигримов,
Куда лететь им ? – от себя,
И снегопадов, что любимы
Безбрежным небом декабря,
Что ходит в платьях – новых, модных,
И в ночь за облаком спешит,
Где скрип игрушек новогодних –
На ветках солнечной души.
Где снег – непримечательный романтик,
Летит в объятья новизны,
И жизнь готовит новый фанти克 –
Где дни твои мечтой сильны,
Где не ржавеет ключ закатный,
И древних стен прочнее нет,
И город ждёт любви без клятвы,
И жаждет строк – мускатных, мятых,
И нот – в бокале Шардоне.

Лунной ночи полоска узкая
Обнимает в гостиной кресло,
В этом доме, где свет и музыка,
Нет печалим сегодня места

Может, светом Земли укроешься,
Мир сегодня- любовью создан,
В зимнем небе живут сокровища,
Говорящие с ветром звезды,

Зимний день, , что одет по летнему,
Помнит сны новогодних елей,
И бежит белый стих по лестнице,
В этих окнах , где лунный шелест.

И слышна тишина морозная,
Так на флейте играет иней,
Новый год нам мигает звездами,
Нежно душу земли обнимет,

И заварит ей кашу манную,
И подарит в горошек крылья,
В этом доме, где пахнет мантами,
И мечтой , и луной с ванилью.

Lluís Peña
Fotografia

Ирма Молочная(Крекнина)
(г.Москва)

Ирма Молочная (Крекнина) – автор - исполнитель, журналист, писатель. Училась в Литературном институте им. Горького в семинаре Юрия Кузнецова. Пишу стихи и сказки. Люблю людей, природу, музыку, новые города и артхаусное кино. Нравятся антиутопии – они отрезвляют.

На Молочном стою. А каких мне ещё лобзаний?
Тени рыщут по дну, как ушедших сократов мысли.
В это море впадут и моих ручейки желаний,
Будешь пить их, мой Ксанф, напиваясь живою жизнью...

Все пребудет водой – суеверия, страсть и горе...
И покой до небес – белорусских приволий марка.
Эту малую жизнь прожила на Молочном море,
Обращать в молоко – а какого еще подарка?

Млечный путь под ногой (Крики чаек - "не пробуй воду!"
Станешь белой, как мы. А крылатой как мы – не станешь...")
Ваши перья, увы, не доверила мне погода.
Но дала этот миг – этот белый молочный танец.

Как ни крути, а сходится наугад.
Слушаешь сводку, а происходит стих...
Слово, как раб твоих настроений, брат,
Быстро стреляет патроном из холостых.

Температура? Ливневым днем больна?
Стыдно, что пыл растратился по рублю?
Дай - ка тебя согрею, моя страна,
Истово, как ребеночка, полюблю...

Гром разгоню (ты спи, золотая, спи...)
Руки тяну от Балтики до Курил...
Как мне дышалось в телеге твоей степи!
Как твой вулкан со мной на ветрах курил.

Как целовало море живот и грудь,
Как поливало снегом сиянье бездн...
Стрелы прогнозов мечутся – ищут путь.
А за окном стоит бестелесный лес.

Что же, тебя баюкать или будить?
Что же, себя покоить или спасать?
Как хороши цикорий в полях и сныть –
Впору им, как котятам, бока чесать..

Если удастся, то мы познакомимся с ним,
С тем, кто вручает по средам хрустальные
нимбы...
Нет, помечтать – вот бы нам познакомиться
с ним бы!
Лучше мечтать. И всегда оставаться одним.

Как тебе, брат, в кафкианских твоих берегах?
Как тебе, систер, в твоих домотканых
нарядах?
Если удастся, мы будем немножечко рядом...
Будем немножечко рядом, немножко в бегах.

Если удастся, то рай будет сух и остёр
В комнатах белых с как будто усталой
попсою,
Если удастся, то буду я с русой косою
Если удастся, то ты будешь алый костёр.

В сердце костра будут таять года и века
(Ведь говорят, что в огонь можно плыть бесконечно)
Если удастся, я буду как сон быстротечна,
Если удастся, я буду, как голубь, легка.

Будет наш голос свободой и верой храним,
Будет лететь, как туман, в заповедные дали...

Будет вручать он по пятницам сны и медали.
Если удастся, то мы познакомимся с ним.

Грозовые закаты в просторах твоих
Расцветают пионом
Это озеро – дар, как кольцо на двоих –
Покаянно влюбленным...

Пусть хранит свое черное солнце смола,
И по кронам змеится.
О, Валдай. Отражаясь в твоих зеркалах,
я летала жар-птицей...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Все впереди!.. Ликует тихий свет
От лампочки аллейной исходящий...
"Все впереди! Я тоже настоящий,
Как этот миг! Как этот первый снег...
Я подлинен, как этот первый смех
Волноволосой маленькой блондинки,
Без снега - настоящей невидимки...
А тут далась Снегурочкина стать."

Свет он и свет, что довелось летать.
Но лампочка, качнувшись, угасает...
И отразившись в снеге, замирают
"Все впереди!" кричащие глаза...
Сейчас еще нельзя, еще нельзя...
Но где-то в параллельных снежных - можно,
Все сложно. Но блаженно тем, что сложно.
Да здравствует мой снег, мой смех, мой свет!
Потери нет. И смерти тоже нет...

САЛОМЕЯ

Что случилось здесь? я не понимаю,
Что возьмешь с меня? Я почти немая...
Я – река колена и профиль дикий
И живот волной – под моей туникой.
Голова на блюде... И дело слова...
Я не милосердна, и не сурова.

Мне не страшно то, что недавно было.
Я хочу, чтоб мама меня любила...

Этот жест не царский – неосторожный,
Когда хочешь ласки – тебе все можно...
Опьянившись страсти своей изломом,
Не рассудком – гордостью стал ведомым.

Кто сказал, что лестью его убила?
Я хочу, чтоб мама меня любила...

Мама. Мать. Царица... Отцы – как птицы.
И какому богу теперь молиться?
Этот танец был – алой боли криком,
Но царю открылся тигриным лицом.

Наготу мою покрывало скрыло...
Просто мать свою умиротворила.

Серой пустыни белесое марево...
Чем-то промозглым закалендарило.
Что-то закралось нежданное, пенное
В наше стабильное. В наше нетленное.

То, что считалось законным и каменным
Вышло внезапно бездонным и пламенным.
Жизнь – это ты ли? Меняется к хорошему!
Море застыло, как снимок из прошлого...

ДЕЛО

В те ли бокалы налили багрового дыма?
Или сова не на том частоколе сидела?
Только нежнейший твой день отправился
другими...
Знаю, что не до меня. Это личное дело.

Что до того, что в глазах отраженье кого-то?
Что из того, что от злости попадали птицы?
Это не зависть, мон шер, а тоска по полету...
Что не случилось со мной, то с другими
случится.

Страстный до жизни... Огню твоему
поклоняюсь.
Вот бы и мне захотеть, как когда-то хотела...
Может и верно – не надо грустить, улыбаясь?
Знаю, не очень совет. Это частное дело.

Может, не надо рядить в облака
безнадежность?
Страхи задором окрашивать не надоело?
Кто-то младенцу во сне ампутировал
нежность.
Чтобы он вырос в меня. Это честное дело.

ЖЕНЩИНА-ЩУКА

Бросок. И озерная гладь озаряется горем,
Плотвичная кровь леденеющим пламенем
брызнет,
Законы просты даже в этом мелеющем море:
У женщины-щуки - зубовная линия жизни.

Но кто-то пронзит эту блеклую зелень
лучами –
Пусть женщина-щука царит ослепляющим
миром,
О счастье охоты греховными злыми ночами...
О радость победы – быть вечным
природным кумиром!

Ты уходишь не от кого-то – к кому-то...
Твое решение – как видится, не минута.
А что до меня, тут все объясняется просто:
Ты – моя зона комфорта и моя точка роста.

Но Бог не дает и того и другого долго,
Ты говоришь, что ценность твоя – чувство
долга.
Окей, это ценность. И пусть она будет
общей,
Но чувство утраты в душе моей флагом
полошет...

Ты будешь смотреть на дельфинов,
прикармливать чаек,
И в жизни не будет борьбы за кусок
насущный.
Твой выбор сделан, и он не случаен,
Твой выбор – свобода и там, где лучше.

А я буду тешиться правилом: ура, перемена.
А я поищу нашим песням замену,
Ну что я плету – песням вряд ли окажется
пусто,
Ведь ты не уходишь, а просто лишаешь
присутствия...

А что до меня, тут все объясняется просто.

ФЕЯ ПЕСЧАНОЙ КОСЫ

Тонкими теми руками –
Щеки свежи от росы...
Птичьими дышит стихами
Фея песчаной косы.

Что здесь наивно, что мудро
Знает лесное зверье...
Белое марево утра –
Все одеянье твое.

Сосны свиваются в лиру...
В небо зовут королей.
Капли священного миро
Стынут на коже твоей.

Пойте, кувшинки купалы –
Кланяйся, шея сия!
Время с ухмылкой опалы –
Вечная участь твоя.

Ты ли – душа Пенелопы?
Боль, напитавшая даль...
Пусть разнесется по тропам
Тихий завет – не предай.

Я ли пропасть не готова,
Счастье песчинки признав
В яростных дюнах сосновых,
В колкости утренних трав...

Пусть от блаженства хохочет
К морю сбегая босой –
Фея – янтарные очи
С темно-медовой косой...

Есть люди, в которых живет беспробудная
тьма,
В их душах поселяла снег вековая зима.
И редкое солнце над домом их – вечной
тюрьмой –
Есть легкое лето над вечной полярной зимой.

Что видели люди зимы на рассвете пути?
Как можно в снегах этих жить и с ума не
сойти...
И можно ли льды растопить и уплыть
навсегда?
И напрочь забыть, что зовусь я сама – фея
льда...

Вот так. И в истории этой открытый финал.
Беги, пока северный ветер тебя не догнал...
Кончается длинная ночь, завершается стих.
О, как ты нежна – снеговица в ресницах
твоих!..

Olga Olgert

Валерий Целинский
(г.Запорожье)

Из Костромской области, село Низкусь, Кадыйский район. В 1970 году окончил Астраханское мореходное училище Министерства Морского Флота СССР. Штурман дальнего плавания. После окончания работал штурманом на танкерах. В 1976 году спился на берег. "Я ходил по морям, жизнь сверяя по штурманским вахтам, и качала меня океанская зыбь, но сложилась семья, и по детским, по берега вантам я карабкался в новую жизнь". Поступил на службу в милицию. Заочно окончил Харьковский юридический институт, потом стационар Академии МВД СССР в г. Москва. Начинал в райотделе милиции в Запорожье, закончил службу в Главном Управлении Уголовного розыска МВД Украины. В основном занимался раскрытием убийств. Полковник милиции в отставке. Проживаю в г. Запорожье. Хобби - парус, рыбалка.

Ах! Как хочется мне
В тот сиреневый обморок!
Где костер
Над уснувшей рекой...
Где рассветы лежат
Молоком под
Березником,
Поднимая зарю
Над собой...

Любовью воздух
Пропитанный,
И плачет тающий снег...

Как же мы были
Воспитаны
В этот
Двадцатый Век..
Визбора горы
Вздыблены...
И Окуджавы
Свет...
Болью Высоцкий
В изгородь
Бьёт свои песни
В Век..
Боль...не осталось
Пристани
Где б Магомаев
Пристал...
О море ...море..
Искренне
Стало ты горем
Плачущих
В волнах
Скал...
Время не лечит жадных,
Время их просто
Бьёт...
Лиши Окуджавы
Оркестрик
Жизнь за собою
Ведёт.

Не спится в ночь
Глухую мне...
Ночь мысли
Гонит вспять...
И даже сны мучители
Закончили летать...

Небо бездонное...
Ветер затих...
Цвет абрикосовый
Белым манит...
Мне б раствориться
В этой весне...
Цвет абрикосовый...
Ветер затих ..

О жизнь моя!
Исчезли предисловия,
Где там во сне
Умели мы летать..
О жизнь моя!
Реальности условия...
Но как в себе
Себя не потерять.
Огни удачи...
Быстрые течения...
Любви пожар
И берег тишины...
Мгновения...
Мгновения...
Мгновения..
И приходящие
Из детства
Сны ..

Милая моя женщина,
Сотканная из нот,
В платье простое
Одетая,
То, что никто
Не пошьет...
Небо тебе,
Как память
Наших прошедших
Дней...
Озеро...лес...
И где то
Уток весенний
Взлет...
Милая моя
Женщина!
Помни!
Любовь живет!

Солнце к закату
Должно быть
Красным,
А оно затерялось
В тучах
Бледным пятном..
Похоже сегодня
Закат не будет
Прекрасным...
Но мы столько
Уже пережили,

20

Ракетных взрывов,
Грохот и весенний
Гром...
Что и эту картинку
Переживём...

Барк "Товарищ"
Ты нашей молодости барк..
Вязали мы узлы,
Не банты...
И по авральному свистку
От наших ног
Дрожали ванты...

Грустное...
Не о том говорим,
Мысли рвутся,
Но им запретили...
Если что то не так,
На иголках
Взрывается мозг.
Может мы
И не жили...
Может то,
Что построили
И пережили -
На могилах не наших
Не наше уже
Поколение
Поймет.

Запах весны
И память
Мирных,прекрасных
Лет...
Пусть остаётся
С нами,
Жизни давая
Свет...

Я помню веточку
В росе,
Когда рассвет,
Туман убрав,
Над лесом
Горизонт раздвинул...
И как в волшебном
Лёгком сне,
Бриллианты по траве
Раскинул...
И как же было
Все легко!
Умыто было
И прекрасно!
И в мир распахнуто
Окно...
И впереди все
Было ясно.
Сегодня лет
Тяжёлый груз
Все чаще
Тянет приземлиться...
Но память...память
Все острой,
Все больше
К той росе
Стремится...

Жизнь моя
Подожди, не спеши...
Я тебя догонял много лет...
Уходили друзья от меня
И на небе терялся их след...
Я устал от молитв
И от бед,
Видел горе
И подлости дно...
Дай мне радость рассветов
И надежды дай свет,
Чтобы Родина
Вместе со мной
Без войны приоткрыла
Окно...

А что случилось?
Так Весны хотелось....
Рассветов теплых
С песней брачной
Птиц...

Скворцов, к весне
Готовых,
Перепевающих
Всех прилетевших
С юга птиц...
Но в грудь не бьёт
Весенний теплый
Ветер..
Нет шума вод....
Зоря не горяча...
Льет дождь ...
И день не светел
Весна...рванись теплом
Ты пламя..!Пусть
Зимой горит свеча...

Рассветы....Весны...Вод разливы....
Зачем мы в эту жизнь пришли?
Мы в этой жизни пилигримы,
Те, что до места не дошли...
Мы сотканы лишь из мгновений
И просто Времени рабы.
В нас память прошлых поколений
И ощущение беды.
Вокруг непонятая Вечность,
Но мир меняя день за днем -
Мы, как бессмертные, беспечны...
Пока живём....

Горит свеча..
И свет ее взлетает в темноту,
Стыдясь за ним
Скользящей тени...
И жизнь у нас,
Как свет одна -
Пока горит судьбы свеча..
Пока жива душа..
И мы еще
Её качаем на качели

Прости меня...
Не уходи.
Взлетает боль...
Взрывает страсти.
Прости меня...
Я весь с тобой,
Как ангел,
Всех нас здесь

Хранящий.
Я обниму...
Я упаду...
Молюсь за всех,
Кто неудачник...
Я плачу...
Тихо отойду,
Но верю-
Я пришел
К удаче.

Весеннее

Веснятся дворовые
Кошки
И стало светлей
И теплей...
Цветы расцвели
На окошке,
Дремавшие
Много дней.
И солнце лучами
В окна
Греет так,
Что пора снижать
Накал батарей.
И новыми шишками
Сосны
Лохматят картины
Дней
А утром,
У утром песни,
Весною разбуженных
Птиц.
И даже вороны,
Такие матроны,
Уселись в рядок
На карниз.

Все чаще время
Отбивает склянки
И для бросков вперёд
Все меньше сил ...
И мы уже,
Как те подранки-
Ещё бежим,
Но не взлетим...

Мы раньше тоже
Рвали души

22

В гонке,
Где гик летает
С гротом
С галса в галс.
И зависали
Над взлетевшим
Бортом,
С матросским
Лёгким матом
На устах...
Теперь не рвемся
К кубкам...
И награда-
Летящие над нами
Паруса!
И пусть идёт
Регатная армада
И пусть кипит
Под яхтами
Вода!

Давали нам
Бесплатный сыр,
Слегка навязчиво,
Но ловко...
А вот когда
Мы съели сыр-
Осталась только
Мышеловка...

Я помню детство и метели
Они по февралю летели....
Закрыв пространство белизной.
Над нами провода гудели...
Мы шли куда глаза
Глядели
И плакала душа
Недетскою тоской.
А нынче как?
Нет в феврале метели
И нас не ждут
Весенние капели,
Подснежники без снега
В мир успели,
А мы за ними
Просто не успели
К той памяти,
Что грела нас с тобой...

Весна накатила,
Как первый трамвай,
Которого долго
Так ждали...
Дождями омыла
Дома и асфальт
И громом вечерним
Разверзлась над нами...
И не было страшно,
А наоборот -
Приятен нам был
Этот молнии свет
И грома
Бушующий рокот...
И даже сирены,
Попав в переплет,
Завыли натужно
Сбиваясь на шёпот.
Но как бы не плакали
Жизни часы -
Весна и прибавилось
Время!
Короче тревоги ...
Весеннее сны ..
И сбросилось
Зимнее бремя.

Бессонница.
Луна смеётся
Мне в окно
И в комнате,
Как днём светло.
На кухне
Подтекает кран
И капли бьют,
Как в барабан.
Соседский провод
За окном
Стучит в карниз,
Как метроном...
Стучат секундами
Часы
И больше не приходят
Сны...

Шопена вальс...
О нежности и грусти
Звуки...
Вы состояние

Души.
Шопена вальс ..
Свечей огни
И руки...
Твои родные руки
В сплетеении
Танцующей Любви.

Дайте в руки
Мне осени веточку,
Где на жёлтые листья
Паутинкой повязаны
Капли дождя
И закатная грусть
Уходящего лета,
В которое вряд ли
Вернусь...
Слава Богу!
Я дождался
Прохладу заветную,
На туманах настоящий
Дождь
И щемящую тихую
Грусть...
Я к морю шел
Через леса и зимы,
Непонимание близких
Мне людей..
Я шел, как шли
Когда то пилигримы,
Но я в своем желании
Был сильней.
И я дошел...
Я видел шторма
Силу..
Я швартовался
В сказочных портах..
Ax! Как нас в шторм
По палубе носило,
При жёстких с норда
Дующих ветрах!
Теперь земля,
Где возраста линейка...
И ясен этой жизни
Приговор...
Дом..улица..
Фонарь...скамейка...
И с другом о походах
Разговор...

Ольга Афиногенова
(г.Москва)

Афиногенова Ольга Николаевна. Родилась в 1975 в г. Балашиха Московской области, живет в Москве. Историк-византинист, кандидат исторических наук, редактор научно-исторической литературы, преподаватель и лектор, член Союза писателей Москвы. Автор трех книг прозы и поэтического сборника.

Вера

Вьется вервия кончик мохнатый,
Вырываетя веретено,
Не кончается жизнь и когда ты
Сонно молишь об этом Его.

Потому что рассудок не знает,
Кто напьется душою твоей,
Как сугроб, над которым растает
Вертоград плодоносных ветвей,

Как дупло, где гнездовые созреет,
Не застав ни трухи, ни угля.
Это ты не ослеп от прозрений,
Это воздухом выметен взгляд.

Это ливень запутался в ребрах
И не высушит всхлипы никак,
Вот и дремлет на хлипких веревках
Маяты пустотелой гамак.

Слишком ясно видны силуэты,
Слишком звонко промыто стекло,
Солнце быстрой дорогой кометы
В холодеющий запад стекло.

Вереницы «с тех пор» и «отныне»
Затопили поблекший зенит.
Это все же еще не унынье,
Коль его сознаваем визит.

Пусть и блазнит оно над зимою,
Застилая огни переправ,
И молитва неверная воет,
Бесконечную жизнь оправдав.

Сосна

Вон на том берегу косеньком,
Где теплеет в ряске река,
Вымывались дружными веснами
Грузные объемы песка.

Но и там, как водится, высилась
Среднего размера сосна,
Знала ли она, что на выселках?
Ведала ль о боре она?

Вся ее сосновая гордость
Уходила в соты коры,
Мне же в них мерещились кости
Ящеров былинной поры.

Мы вбивали в эти чешуины
Два свирепых гладких крюка,
Ладили "тарзанки" и жмурилась,
Обминая в струях, река.

И тот берег паводки грабили,
Что пираты южных широт,
Подрезали плавными гранями
Ласковый песчаный живот.

Но она не вскоре обрушилась,
Лиши тянулась мягко ко дну,
Словно с хвойной кротостью слушала
Ту свою большую волну.

И вошла в нее королевишной,
Карavelльной мачтой легла.
Ну а что с того вихрю вешнему?
Мало ль он мотает бревна?

Вон на том берегу косеньком
Вижу я ее силуэт
Осенями, зимами, веснами,
Не скажу тебе, сколько лет.

«Кто-то ее раньше ведь выдумал, —
Думаю порой на ходу,
И не просто — в сердце мне вырубил.
Только лишь на грусть-на беду»?

И у той обрывистой млечности,
На краю последнего сна,
Так ли мы войдем в свое Вечное,
Как спустилась в реку сосна?

Зной

Зной лихой, знай — не одолеть тебе мой
озноб!
Это твердыня моя, основа моих основ.

Что с того, что сено пахнет сотами и вином?
Я же знаю, что я богата в этом мире, а не в
ином.

Зной сухой, не обнимай меня одеялом чужих
молитв!
В кости озноб мой вгрызся, он и в жару
болит.

Держит меня, ни умереть не даёт, ни жить.
Нежить играет у колокольчиковой межи.

Нежить звонит в сиреневые колокола,
«С кем ты ходила, — хнычет, — где ты
была»?

Может, стрелой в спине и дрожит этот
грустный зов?
Что с того, что рассвет наполняет зовом
своим альков?

Зной слепой, не обирай паутину с моих
ресниц!
Мне не подняться выше даже бескрылых
птиц.

Только бы видеть в паучьем ползучем сне
Волю Его, любовью начертанную во мне.

Макушка лета

А не ветер ли зелёным пламенем правил?
Не закат ли поздний зацвёл вдали иван-
чаем?
Завтра макушка лета у нас — Пётр и Павел,
А мы всё печаль на руках, как дитя, качаем.
Не темнеет ли сердце теплом, что твоя
вишня?
Не пронизан ли синью сон, как черничный
морок?

Всё вставало, вставало солнце с утра, и вот
вышло.
И у нас всё сбылось. И над полем день долог.

Наше море с тобою — вот это поле. Овёс
бездонный.
Наше горе ещё весной унесли сороки.
А сейчас пропали ромашки, расцвёл донник,
И сорняк-vasilёk живёт, как и мы, робкий.

А чего робеть, если так? Если мы из всех
правил
Выбираем любовь и блюдём её через все
беды?
Завтра ветер запахнет ладаном — Пётр и
Павел.
Мы вернёмся из церкви и выспимся до обеда.

От всенощной

После службы в пустеющем храме
Гаснет свет за плечами святых,
Заостряются медные грани
Завитков на киотах литых.

Тяжела потолочная копоть,
Темен сени узорной самшит,
Голубиной бессонницы коготь
За окном по карнизу шуршит.

Мы выходим и крестимся споро,
И все ждем: не окликнут ли вслед?
Впереди за церковным забором
Ни огня, ни движения нет.

Лишь лиловый колышется запад,
Тонким голосом звезды поют,
В нас пригрелся и ладана запах,
И загробного мира уют.

Сны

Они приходят рано, до темноты,
Несносные сны, безвременные часы,
Осенние гости, они говорят: «а ты
Сонное зелье вылей за край земли».
Словно и сами не рады, — они во мне
В ссылке, на каторге, в горестной стороне,
Будто их кто-то властный послал за мной,
Творя заклинанья, бессмертный и неживой.
Вот и прядут в груди паучий уют,
Лунными клювами тёмные гнёзда выют,
Носятся скользкой стаей нетопырей
И верещат: «сама нас, сама убей!»
Где моя воля? Спит в шерстяном клубке,
Замерли спицы, не ластится сталь к руке,
Сила моя запуталась в кружевах,

В белом узоре скатерти чуть жива,
Сдобные запахи, шорох тепла в плите,
Только счастливым может сниться небытие,
Сниться так яростно, что не расстаться с ним,
Ни на рассвете, ни солнечным днём пустым.

Чинук

Где тебя носит, ласковый мой чинук?
Снова висишь на склонах Скалистых гор?
Впрочем, нам здесь потепление ни к чему,
Нашей зимой каждый русский извечно горд.

Это и правильно, нам иначе нельзя.
Мы — снегири, мы — искры бескрайних
вьюг,
Выпало нам, в растерянной тьме скользя,
Север искать, все время стремясь на юг.

Так вот и я ненастрем своим горда,
Тяжким безрыбьем усталых немых озер,
По уши снега насыпляет Бог, и тогда
В сердце прорежется: "Слава Тебе за все"!

Вспыхнет мороз восторгом, и жди греха,
Коль загадаешь, выпивши: если бы, да кабы
Ветер заморский расправил свои меха
В темной аорте русской печной трубы!

*Чинук — теплый ветер на восточных склонах Скалистых гор, вызывающий резкое повышение температуры воздуха.

Зимний вечер

Западет ли дурная мысль иголкой за
воротник,
Разорит ли заячий след снеговую сплошную
гладь,
Зазвенят ли звезды, — влюбившись в одну из
них,
Почему-то легче в сырой темноте шагать, —
Или, может статься, небрежно скользя,
слетит
На подушку грусть рябым совиным пером,
Недреманное око, забывшись, не уследит,
Как в сосуде хрупком на дне оскудеет ром,
В бесполезных скучальных лампах дрожат
огни,
Лишь пока мы живем, мы бредим, что
скушен Рай,
И поэтому ни одной минуты горькой не
прокляни,
Ни одной слезы, ни одной пропажи не
потеряй.

Осенью на даче

Псиной слюнявой сырья тьма
Стала бродить окрест,
В мелком пруду водяная чума
Ржавые сливы ест.
Ниже, в тисках ее одеял —
Обморочный покой,
Кто-то уснул, ну а кто-то взял
И умер, махнув рукой.
Вздохи неведомых малых сих
Паром крадутся вверх.
Полон тревожных воздушных сил,
В поле последний стерх
Встал на крыло много дней назад,
Добрую сотню лет,
Тень его вдруг наползла на сад
Сонном дурных примет.
И по короткой сухой стерне
Через пустой покос
Гонит туман изнутри во вне
Белое стадо коз.
Словно снежинки, одна в одну,
Лишь копыта в грязи,
Белые козы скользят по дну
Выстуженных низин.
Мыши, нелепая лисья съть,
В доме живут опять,
Если нам не о чем говорить,
То не о чем горевать.
Это не слабость, не грусть, не страх,
Все, что могло, сбылось,
Просто наткнулась осень впеньях
На неземную ось.

Насквозь

О, тьма вишневая, рояльная доска,
Вобравшая тепло чужих мелодий!
Звения подвеской лунной у виска,
Растерянная ночь сквозь стены входит
В заросшийstellажами кабинет,
Минуя вечно прибранную спальню.
Опаловая грань, опальный свет,
Которого на свете нет печальней.
Над письменным столом свирель снует,
И мир меняет прежнюю природу,
Пронизывая пыльный переплет,
Выскользывают строчки на свободу.
И пожирают гусеницы слов
Хрустящие ростки тревожных истин.
О, азбученые остовы основ,
Проникшие из снов типографиста
Сюда, где тонет все теперь во всем,
Где ожиданье пустоты упруго,
И мы с тобою можем день за днем
Читать романы, глядя друг сквозь друга.

Максим Шеин
(г. Минск)

Поэт. Родился в 1977 году в городе Молодечно, сейчас живет в Минске, работает юристом. Писать начал в 2013 году, пишет на белорусском и русском языках. Автор сборника стихов «Festina lente» (2019), участник коллективных сборников «Вселенная №8», «Сила ветра», «Возврату не подлежит». Произведения печатались в журналах, альманахах и сборниках в Беларуси, России, Украине, Финляндии. Лауреат поэтических фестивалей “Сила ветра” (Киев), “Зеленый Гран-при” (Гродно), дипломант конкурсов поэтических переводов “С Севера на Восток” (Хельсинки). Участвовал в других фестивалях и конкурсах поэзии и поэтических переводов.

Огни

В парижской квартире подёрнут золой камин,
И жар от углей не доходит до бледной кожи.
Сиди в своём кресле и мёрзни: огонь, пойми,
Рождён для двоих. Одного он согреть не сможет.

На острове южном – чернее, чем кофе, ночь,
И девушка смотрит во тьму, поднимая брови.
Свеча в одиночку не в силах тебе помочь:
Она не разгонит таящихся там чудовищ.

Но вспыхнуло пламя в камине, и яркий свет
Из сонного оцепенения вывел разом.
А в кресле напротив почудился силуэт
Испуганной девушки, хрупкой и
большеглазой.

Свеча разгорелась – играет в свою игру,
Пылает, искрится, расплавленный воск
клокочет...
И статный мужчина шагнул в освещённый
круг,
А с ним не страшны никакие отродья ночи.

И где-то в Париже, а может быть, на Бали,
Бросаясь к ногам её – лишь бы не стало
поздно –
Он дарит, шепча: "Наконец-то мы Нас –
нашли!",
Букет из единственной. Огненно-красной.
Розы.

Вальс

Роден - Камилле Клодель

Ты – моя молодость, что не досталась мне.
Я – твоя слава, облекшая в плоть мечты.
Ты растворилась, как спичка, в моём огне,
Только, поверишь ли, я – это тоже ты.

Могут ли два человека быть так близки,
Что даже муга является нам одна?
Мраморный палец коснулся моей щеки,
В бронзе объятий я выпью тебя до дна!

В тайном убежище гимны любви поём,
Я отлучусь – остаётся моя душа.
Звёзды сойдутся, и будем навек вдвоём,
Наш Поцелуй уже близок, остался шаг!

Как мотылек, ты спустилась ко мне на грудь,
В глыбе из мрамора тонем, забыв про стыд.
Зрелое лето наступит. Когда-нибудь.
Мы так сложны, а вопросы, увы, просты.

Не сочетаются "вечно" и "хорошо",
Тлеет огонь в очаге, а костёр - угас.
Милая, что там за образ к тебе пришёл?
– Бронзовый танец. Его называют. Вальс.

Венере от Сандро

С зыбкой ракушки ступаешь на твёрдый пол,
И босиком по квадратам из терракоты

Выведу в город Флоренцию. Я возвёл
Свой идеал красоты – только кто ты? Кто ты?

То ли Венера в своей неземной красе,
Мастер, создатель – я стану твоим Вулканом.
Риму останутся Флора, Зефир и секс –
И плодородная Ора - до них куда нам?

То ли изящная музя моих холстов,
Хрупкий цветок, превратившийся в горстку
праха.
Выкрась из ада – и рая – тебя готов!
Хватит с меня фанатичных речей монаха!

Кем бы мы ни были – нас не волнует мир,
Где от любви невозможно быть вечно
пьяным.

За руки будем – единственными людьми –
Целую вечность гулять по лугам Тосканы.

Или другими пейзажами – выбирай!
Нет невозможного: кистью, любовью, верой
Я нарисую тебе персональный рай –
Прыгай, моя Симонетта, моя Венера!

Возвращайся

Городок на границе холодного моря и гор –
Говорят, что когда-то его корабли покидали
На войну. Пирс от жён моряков побелел, но с
тех пор
Не вернулся никто из уплывших в далёкие
дали.

А причал украшает там статуя: окаменев,
Одинокая женщина ждёт, держит веточку
лавра.
Но во взгляде не просьба: "Вернись поскорее
ко мне!",
А суровый приказ: "Возвращайся с добычей
и славой!"

Пролетели эпохи, и гладили мраморный нос
Моряки перед плаваньем – славный родился
обычай.
Только Ей нужен Он – капитан или просто
матрос.
И застывшие губы зовут: "Возвращайся с
добычей."

А однажды пустой постамент все увидели,
но...

На причал были брошены вещи, мешавшие
счастью:
Потускневший венец, да увядший лавровый
венок...
Лишь неровная надпись на весь пьедестал:
"Возвращайся..."

Со временем, хочу тебе сказать,
Творятся удивительные вещи:
Мы повстречались тридцать лет назад,
А кажется – неделю. Или вечность.

Так над Землёй Комета, как костёр,
На время вспыхнув, в космосе пропала.
И каждый полетел своим путём,
Но друг о друге сохраняя память.

Комета, растворившись в небесах,
Других миров орбиты облетала,
А у Земли – залысины в лесах,
И снежных шапок будто больше стало.

Но пусть Кометы хвост исчез вдали,
Хранился образ в памяти нетленно.
Таинственные силы нас свели
В одной случайной точке во Вселенной.

И ночь темна. Но горы и поля
Исполнились космического света.
Я жду тебя, ты слышишь? Я, Земля!
Лети в мои объятия, Комета!

Огонь и Воздух

В чёрную ночь разогнавшие тьму костры
С тонкой свечи лепестком не похожи, но
В маленькой искре пожар до небес укрыт.
Много имён у Огня, у меня - одно:

Воздух. Невидимой тенью скользжу в листве,
Ввысь поднимаюсь, едва огонёк обняв,
Но возвращаюсь назад - мотыльком на свет -
Кажется, нужен зачем-то и для Огня.

Что я без Пламени? Мёртвый застывший газ.
Кто для него я? Быть может, само поймёт.
Просто быть рядом, чтоб свет его не погас -
Пусть разгорается, мне подарив полёт.

Светлана Сырнева
(г.Киров)

Светлана Сырнева – лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция», Малой литературной премии России, Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» и многих других. Живёт в Кирове. Жена, мама, бабушка... Последние годы посвятила работе над большим произведением в прозе, которое, по ее словам, позволило ей по-новому взглянуть на историю страны.

ОСЕНЬ

Как будто из земли взошла
и за ночь выросла неслышно –
один лишь раз она была,
лишь раз такая осень вышла.

Она возникла в пустоте
первоначального творенья
в своей нежданной красоте,
в своём небесном озаренье.

И старый домик, и крыльцо,
и доски старого причала
она взяла в своё кольцо
и никуда не выпускала.

О, в жар твоих багряных плит,
в подножье рощи златокрылой
студёный воздух крепко влит
и остановлен высшей силой!

И в этой строгой тишине
безмолвная, стояла школа,
и в книгах открывалась мне
вся правда русского глагола.

Таков он был, хрустальный свет
невозвратимого начала.
И было мне тринадцать лет,
и я о жизни много знала.

И здесь, в теснине под горой,
перед водою студеною
всех лет грядущих длинный строй
вдруг развернулся предо мною.

Звени, звени, моя струна,
гори, свеча, не догорая!
Восходит на небо луна
из дальнего, чужого края.

Но в день творения седьмой
оцепенеют, встанут реки,
и осень встретится с зимой,
и растворится в ней навеки.

Мне мучительно не спалось,
И, не шедшая из головы,
Жизнь просматривалась насквозь,
Словно улица без листвы.
И стоял за окном январь,
И фонарь до утра не гас.
Жизнь просвечивала, как янтарь.
Ночь просвечивала, как алмаз.
Моей жизни тысячу верст
закатали, как снежный ком,
и поставили на мороз,
и оставили под окном.
Погляди, и она не спит,
Сконцентрировалась в ночи.
Неразбавленной жизни спирт
Проглоти – задохнись – молчи.
И пьяней от нее, пьяней,
И спрессуй ее, и сгости,
И заплачь: что ты знаешь о ней,
Не уместишь пока в горсти!
И прошепчет: не спи пока!
И не знает, зачем пришла.
И отдернешься: как горька.
И опомнишься: как мала.

Штиль. Деревья стоят в вечереющей мгле,
Неподвижно деревья стоят.
То ли сон сплошняком воцарен на земле,
То ли ужасом сумрак обнят.
Им повелено стыть над низовым седым
Крепче тверди небесных светил:
Даже месяц, покуда следила за ним,

От березы к березе проплыл.
Я давно не касаюсь глубин бытия
И живу, как назначено жить.
Но до срока припрятана воля моя –
Отрешенно и немо застыть.
В полночь летнюю коротко стукнет засов,
Тишина наполнится дом -
И увидишь во сне, как молчанье лесов
К поднебесью восходит столбом.
И торжественный смысл приобщенных высот
Не спеша просочится до дна.
Ибо жизнь вертикальна: она не идет,
Оседает под ноги она.

Встреча

Вызовут меня – и оторвут
От работы или ото сна,
И пойду туда, куда зовут,
Будничной механике верна.
Я пройду сквозь темный коридор,
Сквозь подвал, изученный насквозь,
Машинально отомкну затвор,
За которым ожидает гость.
Дверь отпрянет в бездну темноты,
Солнечным прижатая лучом,
И тогда в луче возникнешь ты,
Стену подпирающий плечом.
Ты – не изменившийся ничуть,
Я же – изменившая тебе.
Ты – не удивившийся ничуть,
Я – из бездн подъятая к тебе!
О весна! И ярмар-ярмар-ка!
И навылет бьют колокола.
К кожанке твоей моя рука,
Как листок приклеилась, легка:
Я тебя четыре года не ждала.
Я четыре года не ждала,
Я четыре года – не была.
Из неожиданья моего
Отлиты теперь колокола.
К кожанке твоей мое лицо
Прислоню, отныне – навсегда.
Карусели праздничной кольцо
Двинулось – и отстают года.
Только колокольчик динь да донь.
Мне переселиться бы в него!
Ты поцеловал мою ладонь,
Словно не случилось ничего.

НА СЕВЕР

C.Y.

Стеною отвесной, лавиной прямой
здесь рушится ливень из пропасти мутной.
Скорее на север! Скорее домой –
в какой-то машине – случайной, попутной.

Пускай без дороги, пускай в никуда –
к стеклу запотелому локтем прижаться
и видеть, как в лужах вскипает вода,
как злые воронки в канавах кружатся.

Вперёд! Из-под черного полога туч,
где грозно встаёт за заставой застава,
где бурный поток, оборвавшийся с кручи,
тебя конвоирует слева и справа –

пробиться, прорваться, уйти, убежать!
Я знаю: дорогу нащупают шины,
и пусть не сумеет меня удержать
упругая сеть Среднерусской равнины.

И времени маятник молча повис,
качнуться не смея к пределу иному.
Мы мчались на север! Мы рушились вниз,
но вверх поднимались по шару земному.

И там, где кончается ливня межа,
открылись тебе просветлённые дали.
И в тихих озёрах лежала Тужа,
и редкие капли с берёз упадали.

А дальше – в симметрии рельсов и шпал,
в вечернем тумане, в закате пугливом
железный Котельнич упрямо вставал
и медленно плыл над высоким обрывом.

И ночь восставала. Но где-нибудь там
расчищено место гнездовью родному.
По улицам вдоль, по созвездьям реклам
в последнем рывке доберёмся до дому.

Мой друг! Мы вернулись на север – туда,
где сходятся линии жизни в пространстве,
где тихо Полярная светит звезда
в своём неподвижном, немом постоянстве.

РЕКА

Ведь река – это тоже ручей
у истоков своих, у начала.
Золотым водопадом лучей
её раннее утро встречало.

И была она просто ничья,
и лениво струила теченье,
по соседству другого ручья
беспрестанное слушая пенье.

Это был несравненный ручей –
и соперник её, и учитель,
он катился быстрой и звончай,
и повсюду он был победитель.

В душных дебрях – то дерева ствол,
то колода, то пень, то коряга.
Вот ручей повернулся и ушёл –
устремился по склону оврага.

Будет, будет ему благодать
и недолгий простор для полёта –
бочажины лесные питать,
упираясь в глухие болота,

и не знать на коротком веку
под ступенчатым сводом природы,
что река превратилась в реку
и широко раскинула воды.

Ей – и баржи нести на спине,
и вращать паровые турбины,
вдаль пройтись по великой стране,
открывать города и глубины,

выходить из своих берегов,
видеть счастье народов и горе,
быть преградой живой для врагов
и в открытое вылиться море.

Ничего не решала борьба,
так уж небо, должно быть, решило.
Так уж, видно, сложилась судьба,
так на звёздах начертано было.

Не смущай же ты душу ничью:
неуместны восторг или жалость.
У холодного сна на краю
больше выбора им не осталось.

Только детство, где нету вины
и ни имени нет, ни названья,
где великий покой тишины
и великое счастье незнанья.

БАБЬЕ ЛЕТО

Закат полыхает, но тёмен восток,
таинственный миг полутьмы, полусвета.
И солнце уж село, и на землю лёг
покой равновесного бабьего лета.

Тяжёлые ветви недвижны в садах,
турьбой георгины приникли к забору.
О, всё обратится в унынье и прах
ещё не сегодня, не завтра – но скоро.

А нынче, на самом краю пустоты,
такая наполненность жизни всевластной,
что в ней без труда различаешь черты
надмирной долины, чужой и прекрасной.

Прощальный, утешный подарок небес –
тебе он всего на мгновенье дарован.
Смотри же, смотри: вечереющий лес
приблизился, встал – и молчит, очарован.

Вечерние тени так мягко легли –
ни ветра, ни стука, ни дальнего грома.
И низко над нами летят журавли:
уже улетая, они ещё дома.

Спускайтесь всё ниже! Ищите ночлег
в тепле, где лощина ещё не остыла.
Нет, вы не увидите холод и снег –
от этого родина вас оградила.

Ночуйте! А завтра, набрав высоту
и в путь отправляясь, вы взором привета
окинете милую родину – ту,
где доброе солнце и вечное лето.

Alex RA

Светлана Ос
(г.Москва)

Светлана Ос (Острикова Светлана Владиславовна) Родилась 11 марта 1970г. в городе Полярные Зори Мурманской области. Живёт в Москве. Сотрудничает с рядом издательств в качестве автора стихотворных текстов. Член Союза писателей России. Автор шести поэтических сборников: "Чёртовы Прииски", "Самая ненужная вещь", "Слово, сказанное никем", "Стокгольмский синдром", "Затмение", "Имя лишних". Любит теплую зиму, прохладное лето, книги, музыку и кошек.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ещё недавно, ещё вчера
Ты знал свой голос, лицо и имя.
Но тот, кто их у тебя забрал,
Тебе отдаст их уже другими.
Один невидимый взмах руки -
И всё изменит своё значенье,
И ты вернёшься к себе таким,
Что испугаешься возвращенья...

АЯРЫБАЯРЫБА

(Ибо души их – гравий,
ибо кровь их – вода:
ни себе не оставить,
ни другим не отдать...)

—
Так ни справа, ни слева
От черты нулевой
Ночь раскинула невод
Над рекою Невой.
Венценосные глыбы,
Ледяная слюда...
аярыбаярыба
аярыбая
да,
Судьбоносные встречи
Пролетают, слепя -
Это время не лечит
Ни других, ни себя.
Высоко надо мною
Затихают шаги.
Мне неведомо, кто я
Среди прочих других,
Знаю только, что снова
На каналах кривых
Рыбакам безголовым
Не сносить головы:
Как оторванный якорь,
Напитавшись вином,
Беспокойные лягут
На холодное дно.
Их окликнуть могли бы,
Но ни звука в ответ...
аярыбаярыба
аярыбая
нет,
Нет ни жизни, ни смерти,
Только – спящий и сны,
Только блёклые черти
На обломках блесны,
Только сумрак и слякоть
В глубине отразят
То, что можно оплакать,
Но исправить нельзя.

ЛИСТ

В воронку небытия
Он падает обречённо.
Сухие его края
Неправильны и нечётки.
Бессмысленная игра
Последствий и предысторий:
Отчаявшись выбирать
Любую из траекторий,
Он падает в тишине
Неровной дрожащей тенью
И нет ничего страшней
И горче его паденья.
Неведомый никому,
Не стоящий сожалений,

Он падает...
потому,
Что воздуха тяжелее.

АЙБОЛИТ

Когда тебя и рвёт, и кружит,
И дело – швах:
Твой мир внутри и мир снаружи
Трещат по швам,
В колодцы вен насосом чёрным
Качая тьму -
Иди вперёд, иди покорно,
Иди к Нему.
И Он легко тебе поможет,
Твой Айболит.
Он устраниет всё, что гложет
И что болит.
Бросайся в белую палату,
Как на духу –
Пусть поменяет Он на вату
Твою труху
Под лезвий перебор душевный,
Под хрип и свист –
Твой архитектор, твой волшебник...
Таксидермист.

МОЛЬ

Когда себя и мир не изменить,
Тяни судьбу за шерстянную нить
И радуйся, иного не умея.
Пока ей – ни начала, ни конца,
Пусть с крыльев осыпается пыльца
Тумана предрассветного бледнее.

Безвольно погружаясь с головой
В медитативный шорох меховой,
Живи надеждой, что тебя минует
В который раз, сорвавшись с высоты –
Над облаком таких же как и ты -
Хлопок одной ладони о другую...

КОЛЕСО

Крути стальное колесо
Из слов и пауз
Хоть прямо, хоть наискосок –
А что осталось?
Давай, ищи себе покой
В его работе:
Крути по стрелке часовой,
А можешь – против,

И в направлении одном,
И как угодно –
Покуда вертится оно -
И ты свободна...
Покуда оси рефлексий
Вращают спицы,
Есть время выпить, закусить
И застрелиться.

НИКТО

Да будет так,
Как в сказках не о том...

Сочится мрак
Сквозь ночи решето.
Знакомый дом
Чуть виден вдалеке.
Я в нём – никто.
Приятно быть никем
В глухом пальто
И с тысячей причин
Молчать о том,
Что о другом молчим –
Что за горой
В серебряном снегу
Немой герой
Стоит на берегу
Лицом к реке
Под мерный шум волны.
В его руке –
Крюки и гарпуны.
Он там стоит,
Куда бы он ни шёл,
Он был убит,
А позже воскрешён.
Страшней огня
Глаза его горят.
Он ждёт меня
Который век подряд
С защитным ртом
И тенью на плече...

Но я – никто.
Меня уже ничем...

НЕ ТАКОЕ

Не такое, как у других,
Неслучайное из случайных –
Двум безмолвиям вопреки,
За мгновение до прощанья

Балансируя на краю –
Слово, прожитое не нами,

Брось в неровную тень мою,
Словно в чёрную воду камень.

И когда он уйдёт на дно,
Солнца свет унося с собою,
Сердце примет его... Оно
Хоронило и не такое...

ПРЕДСКАЗАНИЕ

А вслед шумели дождь и ветер,
В полях цветы:
"Иди, пока тебя не встретит
Такой, как ты.
И, как бы ни казался страшен
Твой путь к нему,
Запомни: что тебе он скажет –
И быть тому!"

В зеркальном зале ожиданий
Стояли мы –
Два призрака - мертвее льда и
Чернее тьмы,
Под звон стекла, под скрип мелодий
Легко и зло
Шепча друг другу: "Всё проходит"..."
...И всё прошло.

ЭТИ ДОРОГИ...

(На перепутье причудливый камень стоит -
неосязаем на ощупь и страшен на вид:
всё о дорогах подробно написано тут,
кроме того, что они никуда не ведут...)

Здесь и внутри – ни души, и вокруг – ни
души.
Остановись помолчать... Помолчав, поспеши
Без сожалений свернуть на обратный
маршрут -
Эти дороги давно никуда не ведут.

Сколько о каждой ни думай и не выбирай,
Пункт назначения - даже не ад и не рай,

Ибо не знают о них ни в раю, ни в аду -
Эти дороги давно никуда не ведут.

Это – мираж через лица, слова, города –
Ими возможно идти, но прийти – никогда...

Ими несёт на спине кто вину, кто беду.
Эти дороги давно никуда не ведут.

ПРИЗРАК СМОТРИТ В ЗЕРКАЛА

Как распарывая швы
Междур угольным и чёрным,
Остающийся в живых
На потеху обречённым,
Не от света и тепла
Сам к себе навстечу выйдя,
Призрак смотрит в зеркала...
Зеркала его не видят.
И, одна другой длинней,
Ночи кажутся веками,
Но, пока поля камней
Неподвижны под ногами
И, пока над головой
Жизнь проходит, как чужая,
Он не знает, что его
Только вечность отражает...

ПО ОДНОМУ

И приходят тихо.. по одному,
И глаза закатывают в тоске,
Да клянутся тем, что виной всему,
Да клянут Того, кто нигде, ни с кем.

То подбитой птицей идут на срыв,
То змейкой сжимаются для броска..
За спиной у них – гарпуны-багры,
За лицом у них – нелица оскал.

Им простые истины – звук пустой,
Им любовь и ненависть – суть одно..
Всё буравят душу кривым шестом,
Всё растягивают надежду нащупать дно.

То грозят былое пустить на слом,
То зовут на смерть к берегам другим
И бросают камни-слова со злом,
И следят за тем, как идут круги.

Говорят, что в мире ты – только гость,
Говорят, ты – призрак в чужом дому,
И вбиваются в веру контрольный гвоздь,
И уходят тихо.. по одному..

НИ ЧЁРНОЕ ПЛАТЬЕ, НИ ВЫЧУРНЫЙ ГРИМ

Ни чёрное платье, ни вычурный грим,
Ни смех, вызывающий слёзы,

Ни тьму, что защита у куклы внутри,
Никто не воспримет серьёзно.

Никто не поверит, что бездна и мрак
Давно и ничем не пугают
Последнюю жизнь проживающих так,
Как будто бы будет другая...

КУКОЛЬНОЕ

(Пока меж истиной и ложью
на чёрти-что-и-сбоку-бантик
даётся масса всевозможных гарантий,
в фальшивой солнечной системе
под пеной стружек, слоем пыли
мы никогда не станем теми, кем были...)
Смотрись в зияющие дали,
Фиксируй яркие моменты,
Пока с дистанции не сняли
И с ленты,
Пока к небесным лампам ближе
Друг перед другом, друг за другом –
Нас постоянно что-то движет
По кругу,
Где мир в работе над тобою
О мерах думает всё реже:
То слепит лишнее, а то и
Отрежет,
То в цвет лица добавит крови,
То платье подберёт, то веер...

И так – пока не остановят
Конвейер.

ТАНТАМАРЕСКА

Не разрывай порочный круг
Движеньем резким,
Скрипи, качаясь на ветру,
Тантамареска,
Неси, как знамя, до конца
Клеймо изгоя...

За неимением лица –
Подставь любое.

Что проку в поиске причин,
Путей, инерций?
Пусть для других оно стучит –
Чужое сердце,
Что в этом мире неживом
Ещё живое...

За неимением его –
Возьми любое...

КАМЕНЬ

Это было не тем, чем казалось со стороны...
Ты в руке держишь камень и пальцы твои
бледны:
Вроде, камень как камень, но кровь его как
вино,
Вроде, воздуха легче, но тянет тебя на дно.

И в сознание бьётся прибой: за волной -
волна
Так, что аура солнца становится не видна.
Словно тысяча лезвий и тысяча игл в
горсти...
Отпусти этот камень, пожалуйста, отпусти.

Не держись за него, вечный холод к груди
прижал -
Ты его не научишь ни двигаться, ни дышать,
Он не сможет принять ни минуту твою, ни
жизнь...
Не держись за него, ну прошу тебя, не
держись.

Он – не точка опоры, не твердь, не земная
ось –
Посмотри на него, чтоб скорее забыть и
брось,
Чтоб простое оставить, а сложное –
упростить...
Попрощайся навек и прости его... и прости...

И ВЕЧНОСТЬ СПУСТЯ..

А будущий день обойдётся без крови и
жертв,
Без мрачных душевных застенков, без плах и
вериг.
Мы сменим доспехи на бархат, парчу,
крепжоржет,
Сойдя на чужие страницы героями книг.

И вечность спустя, кто-то третий прочтёт
между строк
Про реку потерь, никогда не бегущую вспять,
Где два отраженья друг друга расстались не в
срок,
И, встретившись снова, не смогут друг друга
узнать.

Olga Olgert

Анатолий Белинский
(г.Москва)

Анатолий Белинский окончил МВХПУ (б.Строгановское), художник –конструктор. Стихи пишет с детства. Публикации в российских и зарубежных изданиях. Автор книг «Мелодии нескучного сада» и «Воробёвы горы».

СУМЕРКИ

В сумерках всхлипнет мутных
Под каблуком вода.
Вы, уходящая, будьте
В мыслях моей всегда!
Сладкой опутан ленью,
Я уж не так люблю,
Но ваша тень, виденье ---
Всюду сто раз на дню.
Вот и сейчас в сознанье
Профиль ваш вдруг возник,
Словно бы в окнах зданий
Облака белый лик.
Осень накрыла город,
Дымом мой плащ пропах.
Листьев дымятся горы ---
Чувств, превращённых в прах.

ВСЁ ПРОШЛО

Всё прошло. Ничего не осталось.
И не жаль прожитой жизни мне ---
Предрекают счастливую старость
Дол зелёный и клёны в огне.
Словно годы, зажжёные листья
Кружат в небе, срываясь с ветвей.
А в душе так спокойно, так чисто,

40

Будто нет и не будет смертей.
Будто нет ни конца, ни начала
Нашим жизням на грешной земле,
И не поздно начать всё сначала,
Не тревожась о завтрашнем дне.
Постигая умом неизбежность
Расставаний и горьких разлук,
Я пою бесконечную нежность,
Обращённую в слово и звук.

ДОМИНИКАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Куст розы над старым колодцем,
Замшелые камни и пни.
Трава, обделённая солнцем,
Едва различима в тени.
Ты видишь --- могучие стены
Беспечный опутал выюнок!
История этих растений
Древнее минувших эпох.
В первюрах готических сводов,
В витражном свеченье окна,
Сквозь камень сочится свобода,
Злодейской рукой пленена.
Здесь сырьо, как в каменном склепе,
Средь мумий, распятий, гробниц...
Здесь прахом истлевших страниц
Развеян величия пепел.
Но небо! Оно нас не выдаст!
Восстанем над этой трухой...
Нам, словно рубашка на вырост,
И вечность даны, и покой.

ОКНО НА ЗАПАД

Окно на запад. Свет вечерний.
Нежны последние лучи.
Мотив, забытый и ничейный,
Воскресший в памяти, звучит.
Рука застыла над тетрадью,
Не в силах вывести строку.
Не нарушайте, бога ради,
Поэта звёздную тоску!
Когда над чистою страницей,
Крылом невидимым шурша,
Парит неузнанною птицей
Его наивная душа.

ФОТОГРАФИЯ

T. B.
Вдвоём, в обнимку, юные, одни
На фоне догорающей зари,
На палубе безлюдной теплохода.

В вечерней дымке тонут берега.
В моей руке тепла твоя рука,
И отпускать её мне неохота.
Античный профиль, тёмная вода,
Тебя я не увижу никогда,
Неповторима сладкая минута.
И ты пребудешь в памяти моей,
Подруга милая далёких дней,
На палубе, безлюдной почему-то.
Как пенный след, растает за кормой
За далью лет прекрасный образ твой.
За счастья миг настанет час расплаты...
Ну а пока мы юны, и смешны,
И так обворожительно нежны.
И, видит бог, ни в чём не виноваты.

В ПОЕЗДЕ

1

Непогоду и сырость кляня,
На пейзаж я воззрился унылый:
За окном пробегают поля,
Редкий тополь и чахлые ивы.
Мелкий дождик чернит горизонт,
Провода паутиной повисли.
И погоде подстать, как назло,
Лезут в голову разные мысли.
Как-то грустно сейчас понимать
То, что дождь этот вспять не прольётся,
И не станет счастливее мать,
И отец никогда не вернётся.
И появится вдруг средь всего
Неприметный, степной городишко:
Там по улочке пыльной его
Босоногим бегу я мальчишкой.
Змей бумажный шуршит за спиной,
Поднимаясь всё выше и выше.
Он взмывает над детством и мной,
Как над нашею старою крышей.
Не порвётся суровая нить.
Мои волосы п'ю ветру выются...
И нельзя ничего изменить...
И мне страшно назад оглянуться.

2

Мы сядем с тобой у окна,
Отложим на время газеты.
Пусть будет дорога одна
Метафорой позднего лета.
Жизнь в общем не балует нас.
Но если и так это даже,
Нет видов приятней для глаз,
Чем родины милой пейзажи.
Пускай же плывут за окном
Они, будто в лучшие годы.
Пускай чувство прежней свободы

Вернётся несбывшимся сном...
А всё остальное потом.

ПРОХОДНЫЕ ДВОРЫ

Герману Антонову

Свисток проходного двора...
Александр Ерёменко
От друзей и от алчных барыг
Нас спасут проходные дворы.
И, устав от любовной игры,
Встретив стену непониманья,
Ты нырнёшь в проходные дворы ---
В проходное вниманье.
Нас спасут от ретивых коллег,
Набирающих обороты,
От карабкающихся наверх,
Скозняки подворотен.
От капризов ревнивых подруг,
От их лживого щебетанья,
Протрезвев, улетучишься вдруг,
Не сказав "До свиданья".
Мы с рождения включены
В чьи-то списки и тайные планы...
Но ведь есть проходные дворы!
К чёрту символ согбенной спины!
К чёрту волчьи кнапканы!

* * *

T.B.

Прогулки в Ботаническом саду.
Дымок костра. Опавших листьев кучи.
И фонари, и лодки на пруду,
И поцелуй --- так, на всякий случай.

На сердце непонятная тоска.
Ещё тебе неведома тревога.
Смешная порядка вьётся у виска,
Шуршит, шуршит осенняя дорога.

Но высь сквозит холодной глубиной,
Но замирает птицы крик истощный...
И ты уже как будто не со мной,
А где-то там --- в моём далёком прошлом.

НОЧНОЙ ЭКСПРЕСС

Я наблюдал ночные поезда
В их волшестве, в их фееричном блеске.
Я жил в степи. Полночная звезда
Плыла в окне над краем занавески.
Дом засыпал, упав во мрак лицом,
Гудел эфир мелодией заумной,

Когда в плenу нахлынувших раздумий
Я выходил на позднее крыльцо.
Я знал, что вновь увижу торжество,
Не знавшего усталости движенья...
Восторженность, тесня воображенье,
Моё переполняла существо.
Летел экспресс --- живая цепь огней,
Пронзая стынь и глушь осенней дали.
И красные глазища фонарей
Вослед ему растерянно мигали.

ТОТ ВЕЧЕР

В тот вечер холодный и мглистый
Вдоль берега сонной реки
Летели намокшие листья
И жались к ногам, как щенки.
Мы шли по рыбачьей слободке,
Тропинкой спустившись к реке,
Где полуистлевшие лодки
Чернели на стылом песке.
Вдоль берега листья кружили,
Речная туманилась гладь.
О чём мы тогда говорили,
Теперь уже трудно сказать.
Но в памяти часто восходит ---
Я это не раз замечал ---
Тот вечер, и мокрые сходни,
И в ночь уходящий причал.

ДЛЯ ВАС, ЛЮБИМАЯ

Для вас, любимая, в далёком,
Веснушчатом и дорогом,
Станцую у раскрытых окон,
Чтоб вы забыли о другом.
Для вас, любимая, исполню
Под улюлюканье и свист
Когда-то модный танец твист,
Который мне пришлось бы вспомнить.
И, знаменуя нашу встречу,
У чувств нахлынувших в плenу,
Я приглашу вас в этот вечер
Слетать со мною на Луну.

СМЕРКАЕТСЯ

На санный путь ненужною растратой
Ложится снег без всякой цели и нужды.
Смеркается... Глазами двух закатов
В сугробах памяти ищу твои следы.

Смеркается... Морозные узоры
Являют образы причудливые мне.

Забыто всё: размолвки, слухи, ссоры ---
Я снова профиль твой рисую на окне.

РОССИЯ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

Россия средней полосы ---
Церковки, избы и кресты.
Взойдут на пожити цветы,
Когда меня забудешь ты.

Дорогой долгою домой
Я шёл к тебе и в дождь, и в зной.
Тебе я верен был одной,
Я чист и честен пред тобой.

Сомнений годы пронеслись,
Как жёлтый лист... как жёлтый лист...
Последней осени каприз...
Мой путь домой длиною в жизнь.

Россия средней полосы ---
Кристалы утренней росы.
Взойдут на пажити цветы,
Когда меня забудешь ты.
Забудешь...ты...

ТАК ТИХО

Так тихо, так звёздно, так снежно,
Так лунно, пустынно, светло.
И то, что почти неизбежно,
Внезапно куда-то ушло.

Всё страхи, догадки, сомненья ---
Предчувствия тягостный плен ---
Разбились как ржавые звенья
Вериг, обращаемых в тлен.

Сергей Тарасюк

Peter C. Koczera
New Bedford

Between Two Worlds.

Two small figures walk the mirror's edge,
their shadows woven into water and sky.
Each step a question dissolving—
where does reflection end, and the world begin?

The sea remembers everything in shimmer,
a language of light written twice:
once in air, once below,
until even silence becomes luminous.

Between the tides of thought and tide itself,
we walk—momentary, weightless—
part of the sky,
part of the sea,
part of what remains when both forget their
names.

Maple The Dog...
...simply being—
a quiet pulse in the mist,
a warmth the wild could feel.
No bark, no chase — only awareness,
and in that still exchange,
the geese rose,
their wings translating her presence
into motion,
as if the air itself
had remembered how to breathe

Watching Maple pause between sea and sky, I'm reminded how reflection is not always still — sometimes it shimmers, uncertain, like a thought caught between two truths. The tide pulls its slow rhythm through the glass of the world, and for a moment, I see both of us suspended in its breathing. Balance here is not an achievement but a gentle agreement — between the mind and the motion that keeps it alive.

Standing here, I feel the mind quiet to match the tide. Thoughts spread thin across the mirrored shore until they lose their edges, blending with light. Balance doesn't arrive—it unveils itself, slowly, through presence. In this moment, even melancholy becomes luminous, as if reflection itself were teaching me to let go.

The grass leans as if listening,
each blade a thin confession
to the wind's quiet insistence.

Shadows lengthen into whispers,
and the sun, dissolving,
paints its farewell on every stem.

What was golden becomes breath,
what was breath becomes stillness—
and still, the dunes remember motion.

Somewhere in the fading glow,
the world forgets to divide
between what leans
and what lets go.

Watching Maple in that suspended moment, I sense what balance looks like in its simplest form: a being entirely present, neither grasping nor retreating. Mental steadiness, too, isn't about mastery but presence—standing at the water's edge without needing the reflection to explain itself. Sometimes the clearest mirror is stillness shared with another soul

Peter C.Koscera

Unwritten Shore.

The sea drifts through its own thought,
letting phrases dissolve in the shallows.

Light moves without intention—
a language older than words.

The sand remembers only rhythm,
not what passed across it.

Somewhere between hush and glimmer,
the world pauses,
forgetting to name itself
Lines Disappear.

Between sky and water, no edge remains—
only breath turning to light,
light folding into silence.

The cloud forgets its outline
and becomes the sea's reflection;
the sea forgets its depth
and becomes the sky's dream.

So too the mind unlearns division,
finding stillness where borders blur.
Peace arrives not as answer,
but as space—
where lines disappear.

Weightless Currents.

The sky forgets its edges—
light drifts without landing,
birds draw music from motion alone.

Between wing and wind
the air learns its own rhythm,
a quiet score written in breath.

I listen for balance there,
where ascent and fall exchange places—
no effort, only flow.

Thought too can glide like this,
finding its home in the invisible,
carried by what it cannot hold

Conjured Sea.

This seascape speaks of the mind as a mirror:
even when unsettled, it holds the hues of what
passes above it. Thoughts, like these clouds,
move in layers—some heavy, some luminous—
and their reflections are not fixed but flowing.

The lesson is not in trying to still the whole, but
in allowing each shift of color and weight to
pass without resistance.

Rooted Breath.

The Dunes.

The dunes are not silent; they breathe in layers.
Grasses bend with wind, shrubs gather stillness,
plumes rise like soft prayers against the fading
sky.

Here, persistence is not force but presence—
rooted in shifting ground, alive within
impermanence.

Nothing here is fixed—
light shifts, grasses bow, dunes reshape.
The moment matters
because it will not stay.

The estuary teaches a simple truth: the river does
not resist its curve, nor the sky its fading stars.
Each meets the other without struggle, and the
meeting is enough. To stand in this hour is to see
how patience carries the world forward, softly,
without force

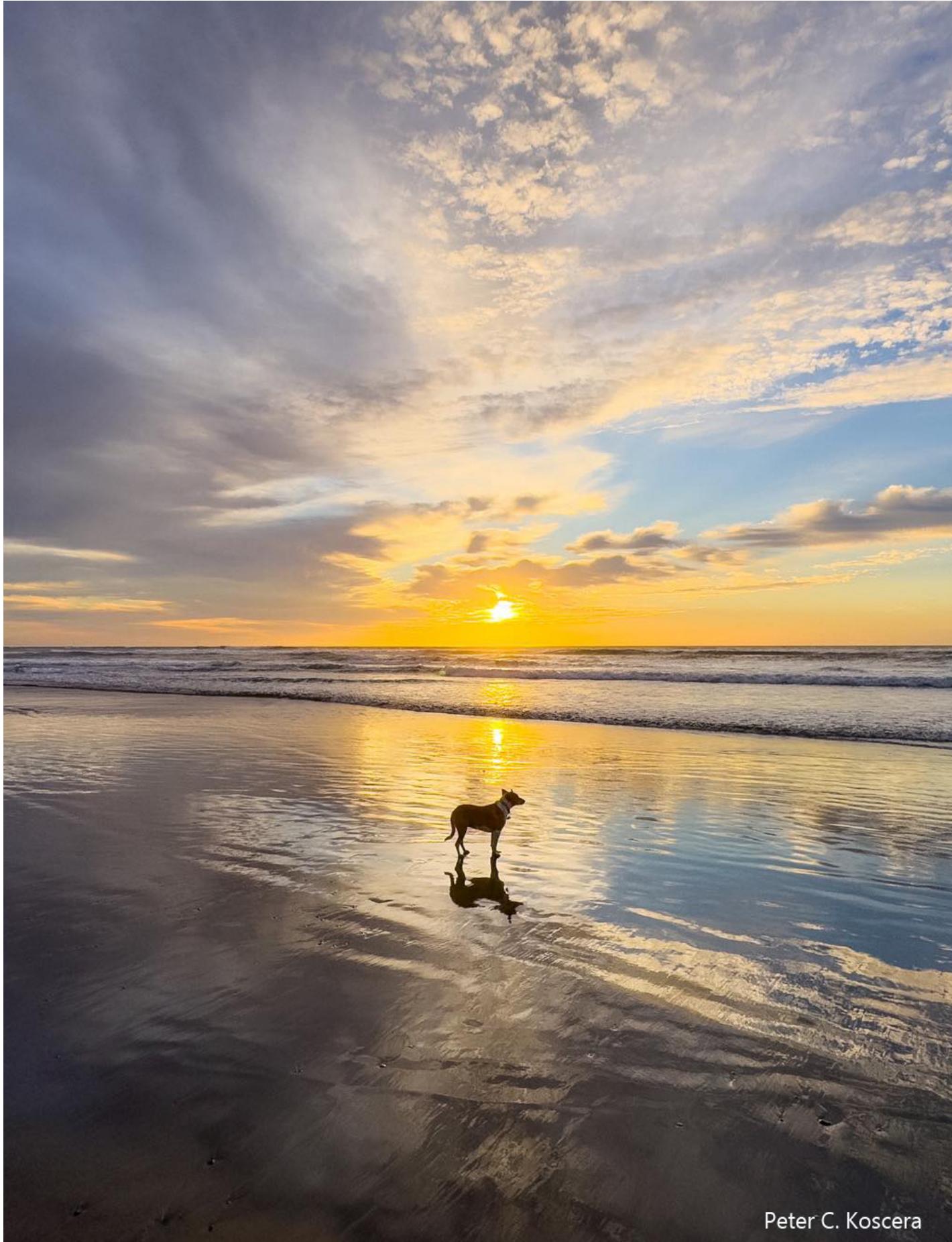
Silent Bearing.

The stillness here is not an emptiness but a
framework. Horizon, ocean, and mirrored sand
align like beams in an unseen architecture,
holding the moment in balance. Light dissolves
into shadow, yet both remain supported by this
quiet structure. Within it, the mind is given
space to rest—not drifting or lost, but carried by
the simple order of sea and sky

Silent Divide

The dawn opens across the estuary plain,
a narrow channel carving its gleam through
sand,
mirroring the Belt of Venus—rose, peach,
violet-grey—
drawn out toward the ocean's line.

There, almost unseen, a solitary figure
lost against the immensity,
a faint mark at the edge of perception.
Their smallness deepens the vastness,
while the vastness remains the true subject.

Peter C. Koscera

Елена Нигри
(г.Москва)

О себе: москвичка, библиограф по образованию, занималась в семинаре Якова Акима и Юрия Сотника, автор детских и взрослых стихов, Лауреат премии Маршака в 2024 году как Елена Григорьева, Нигри мой псевдоним для взрослой поэзии.

Вот что случается,
Господи, Господи,
Если не любишь, смотри:
Листья не падают,
Клен не качается,
Все замирает внутри.
Небо испугано,
Облако хмурится,
Высох речушки исток.
Дай же мне, Господи,
Дай же как нищему,
Чистого слова глоток!
Чтобы опять говорить
Непокорные,
Строки слагая в стихи,
Как беззащитны
Деревья осенние,
Как они нежно тихи.
И доверяясь погоде
Изменчивой –
Вечно стоят на юру, -
Листья роняют
И смотрят растерянно
На обнаженность свою...
Как неприкрыта любовь
И доверчива,
Как она, Боже,

Хрупка,
Листья осенние,
Вестники вечности,
Здесь, под ногами,
Пока...

время бежит,
словно горный ручей,
время ничье,
и ручей тот -
ничей,
с камушка он
убегает в моря,
время уходит
в другие края -
в память бескрайнюю,
без берегов,
где не бывает
ненужных богов,
только лишь отблески
лиц дорогих,
в прошлом своем
и не встретишь иных,
память их держит,
баюкает даже,
чью-нибудь память
и мы будоражим...

я не заметила, как время
остановилось на мгновенье,
потом ускорило движенье
и побежало по привычке
под стук
знакомый
электрички...
и я вскочила на подножку
его последнего вагона,
как балерина, свесив ножку,
и время понеслось со звоном...
и на каком-то полустанке,
я оглянулась как впервые,
а позади стояли танки
и плыли кухни полевые....

здесь, кажется, весна, а я еще с зимою,
еще играть в снежки, и падать и скользить -
который нынче век, куда идти с сумою?
как сладить мне с хандрой - других не
заразить?

иду, не чуя ног, друзей не узнавая:
мы катимся опять в такой дремучий ад,
куда же ты, куда, земля моя родная,
как Лотова жена, не оглянись назад!
там всюду лагеря, там флаги цвета крови,
шаг в сторону - арест, и пытки и суды,
смотри, не заразись, болезнь, что хуже кори,
молись, чтоб уцелел от этакой беды.
о, Боже, света дай - душа во тьме стенаст,
ей без Тебя не быть и ран не врачевать,
пошли Иеремий, дай нового Исаию,
чтоб верить и любить, и в жизни устоять...

Я обожаю одиночество,
Гулять дворами и задворками,
Зайти и выпить, что захочется
В кафе с заманчивыми шторками.
Сидеть, не узнанной никем,
Писать стихи, глядеть раздумчиво,
На отражения в окне,
На профиль чай-нибудь измученный...
Смотреть чуть-чуть со стороны
На мир спешащий - мимо, мимо,
И быть, как зернышко - внутри,
И созревать - неумолимо...

осенняя хмаръ
непролазны дороги
и в сердце извечная эта тревога
и все это слово короткое морок
как обморок леса и поля и горок
когда все в тумане и пусто и голо
и прячется в листья измученный голубъ
а прочие листья приклеились к окнам
и все так промокло и все так промокло
и пусть эта хмаръ и туман эта мокошь
но только не роскошь
но только не роскошь
душе почему-то милее раздетость
природы осенней не щедрость а бедность
чтоб взгляду свободно блуждать
в пустоте
дивясь невозможной ее красоте
лишь луч одинокий мелькнет на мгновенье

как будто бы это небес откровенье
что скоро нам с неба подкинут лопатой
белейшего снега как сахар как вата
и все побелеет поля и дороги
оставят меня наконец-то тревоги
я в снег окунусь как в источник святой
и все же любимая осень - постой!

ЛОДКА

все перемелется, будет мука,
лодка осталась без рыбака,
весла унес он с собой и черпак,
спать завалился на старый чердак.
сиду я в лодку одна, без весла,
лишь бы река меня вдаль унесла -
там, где рассеется морок осенний,
там, где увижу я якорь спасенья...
боль растворится - спасибо, река! -
все перемелется, будет мука...

мы не спали вместе,
не встречали рассвет,
я не готовила тебе завтрак,
мы не бежали вдвоем в магазин,
ты никогда не дарил мне цветов,
мы не умирали и не воскресали
каждую ночь,
не мчались навстречу друг другу
на другой конец света -
ничего этого не было и в помине...
но были - вдруг схожие мысли,
мечты,
понимание,
письма,
и даже - короткие встречи,
когда мы блуждали по городу,
не имея угла, где приткнуться,
и еще - электричка,
которая увозила тебя от меня,
каждый раз увозила,
и лес, где мы не могли наговориться,
а потом замолкали, слушая тишину...
из всего этого -
если мысли и мечты материальны -
а они материальны,
мог бы родиться фильм -
фильм о нашей несбывшейся жизни,
как записываются на пленку слова, звуки,
музыка,
так записались бы и наши мечты,
которые кроме нас никто не увидит...
и там наверняка будет дом у реки,

высокие сосны,
фантастические закаты,
утро вдвоем...
думаю, все это хранится
в том великом Несбыточном,
откуда я черпаю свои слова и стихи,
как музыканты – музыку,
художники – картины,
а режиссеры – фильмы...

как я хочу посмотреть фильм
о нашей с тобой жизни!..

Покуда из дому не вышел,
Ты как цыплёнок в скорлупе:
И вроде жив и даже дышишь,
И все что надо - при себе.
Но стоит выйти, все иначе,
И мир привычный будто нов,
И ты идёшь, себя не пряча
И встречных рассмотреть готов!
Как молоды и как свободны,
На босу ногу башмаки,
Наверно, это нынче модно,
И прочь колготы и носки!
И снова радуешься листьям,
Что под ноги тебе летят,
Прекрасней самых светлых истин
Что и без слов мне говорят:
О прелести всего живого,
О переменах каждый час,
О том, что мир рождён от Слова,
И вечно пребывает в нас.

стихи разбросаны повсюду
как луковая шелуха
их подобрать совсем не трудно
они не ведают греха
живут себе минуя сроки
что им указы что статьи
они как те чертополохи
цепляют если что прости
а хочешь заложи закладкой
чтоб в час вечерний ноября
вдруг снова прочитать украдкой
себя за ревность укоря
или гуляя вспомнить строки
вдохнуть их как блаженный дар
как даль небесная высокий
незданный как судьбы удар

был вишенкой трамвайной,
строчкой, буквой,
был мантрой всей эпохи -
звуком ОМ,
теперь она засыпана снежком,
но строчки
вылетают словно птицы
из зэковской дырявой рукавицы,
чтоб приподнять над миром,
над Москвою,
что скурвилась
и бряцает войною...
куда пойти,
чтоб "выговорить правду",
"взять за руку",
«нам по пути с тобой»?
все шерри-бренды,
брэнди, дорогой...
пойдем к Петру -
со списком кораблей,
что прочитали лишь до половины,
мы связаны с тобою пуповиной -
бессонницей грядущих Лорелей...

Бог любит чистоту простых сердец,
И потому Он здесь, среди овец,
И пастухов, что молча гонят стадо,
И Матери - да много ли Ей надо?
Охапку сена и тепло вола,
Заботу мужа - Господу хвала,
А свет звезды и ангелы повсюду -
Она давно уже привыкла к чуду.

что летом спать:
чуть ляжешь – утро,
и солнце пляшет на стене.
день раскрывается, как сутра,
его слова еще во мне,
еще не сказаны - покуда
меня вставать не позовет
моя вчерашняя посуда
или мурчащий рядом кот...
пусть бессловесен
друг мой милый,
с ним говорю я обо всем,
о жизни нашей торопливой,
и о березе за окном -
она качается в такт ветру,

а, может быть, моим словам,
и рада солнечному свету,
что сходит с неба по утрам...
а день никак не развернется,
как свиток, что свернули будды:
я подожду – а чай все льется -
я торопить его не буду...

Жемчужина

день как ракушка, в которой, быть может,
жемчужина,
спрятана кем-то, чтоб ты разыскал-отворил
створки, как двери, что прячут ту тайну
ненужную,
ибо ты знаешь уже, потому что прожил -
всю, до прожилок, до мантии, до перламутра
-
с лужами, снегом, ключа открываньем
дверей,
там, где начало - простое прозрачное утро,
что становилось как старая дева старей,
с каждой минутой -печалей, поездками,
встречами,
просто смотрением в небо, на снег куполов,
с шарфом твоим пусть не мною и купленном
- клетчатым,
и ожиданием так и не сказанных слов...

Мой день

Мой день то беден, то богат,
То нищая, то королева,
То ты любим, то виноват,
И день опять качнется влево...
Я в середине золотой
Бываю редкие мгновенья,
Тому виной не шар земной,
Не колебания вселенной,
А сердце бедное мое,
Что все еще подвластно чувствам,
Но если укротить его,
Не станет ли мне слишком пусто?..

Недочитанных книг – вереница,
Я беру их, когда мне не спится:
Но глаголы мне сердца не жгут,
Пусть еще, пусть еще подождут –
И Катулл, и волшебник Руми,
Не дочитан лежит Низами,
Как и древнеиндийские сутры,
Вот уже и бессонное утро....

Предо мной корешки старых книг:
Пастернак и цветаевский лик -
Посмотрю, и душа ожила,
Будто с ними весь век прожила...

КУСТ

что нужно кусту от меня -
взглянула, увидела - что же?
а вдруг этот куст – купина,
и голос, знакомый до дрожи?
услышать, в огне не сгореть,
уйти опаленной и жалкой,
скажи мне, доколе терпеть,
терновник, колючий и жаркий?
а может быть, просто растет,
дыру прикрывая в заборе?
что нужно кусту от меня,
на радость он мне или горе?
растет и не ведает зла,
простой этот куст придорожный,
что он мне, и что ему я,
но нет ничего мне дороже...

ночь коротка,
а мне не спится,
воспоминанье длится, длится,
из прошлого оно течет в сейчас,
растягивая время на часах.
я с ним сжилась, я в нем почти как дома,
мне все детали, все углы знакомы,
я рассказать могу, где мох, где сныть,
я только не могу его забыть...

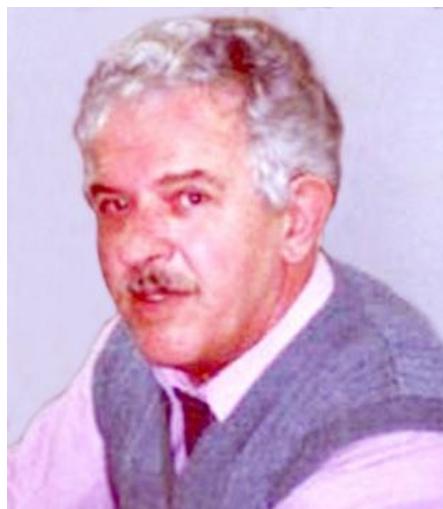
СНЕГ

Снег спал впервые в этой старой лодке
а рядом что-то пели камыши,
спал не прикрытый, как-то по-сиротски,
да кто прикроет - рядом ни души.
Но снег был рад – он спал как в колыбели,
впервые после месяца пути,
когда несли его ветра, метели,
или лопаты, Господи, прости –
швыряли на дорогу, под колеса,
и он летел, не открывая глаз -
то с крыши, то с огромного откоса
и леденел от ужаса подчас.
Но здесь, на дне, за старыми бортами,
он отдыхал и чудилось ему:
он в облаке, на небе, вместе с мамой,
пока еще не видный никому...

Alex RA

Джелал Кузнецов
(1936–2010)

Кузнецов Джелал Онорович родился 2 ноября 1936 года в г. Иваново. Воспитывался бабушкой, т.к. его мама умерла, когда ему было 4 года. Мама – русская, отец – турок, бабушка по линии отца – француженка, отсюда такое странное сочетание фамилии, имени и отчества. Окончил Московский Энергетический Институт, где работал после аспирантуры педагогом. Последние 30 лет был начальником отдела Всесоюзного исследовательского центра по материалам и веществам. Написал много научных работ, часто выезжал заграницу с научными докладами. Является заслуженным изобретателем России, получил звание заслуженного метролога России. С 2003 года вышел на пенсию по заболеванию и с этого же года неожиданно начал писать стихи в возрасте 66 лет. К 2010 году за его плечами 2 изданные книги: "Внезапно оглянувшись", где напечатаны собственные стихи и переводы с французского, немецкого, английского языков; "Сонеты к Орфею" Райнера Марии Рильке (переводы с немецкого). Готовил к изданию третью книгу, в которой собирался публиковать стихи, не вошедшие в прошлые издания, а также перевод стихов и поэмы Поля Валери "Кладбище у моря".

Поль Валери.
Кладбище у моря .
Перевод с французского.

То мирный кров, где меж могил и пиний
Крыл трепетанье, воркот голубиный;
Здесь полдень, в пламя обращая зной,
Рождает море - вечный акт творенья...

О! награди меня, по разумению,
Дозволив созерцать богов покой!

Как тонки, невозвратны перемены
Алмазных искр неощутимой пены,
Какой покой из недр освобождён!
Здесь дремлет солнце над морской пучиной,
Творением чистым истинной причины
Мерцает время, явь видна сквозь сон.

Минервы храм - сокровище извечно,
Царит покой в пределах бесконечных,
Угрюмы воды. Взору нет границ,
Так много сна под огненной вуалью.
Молчание - души приют сакральный
Под сводом позлащенных черепиц.

Предел времен лишь вдох последний знает,
С его вершины чистой привыкаю
Обозревать бескрайних вод простор...
Как дар богам, что я вручить не смею,
Мерцание с высот небесных сеет
На землю свой презрительный укор.

Как вид плода рождает вожделенье
И дарит вкус взамен исчезновенье
Его во рту субстанцией иной,
Так я вдыхаю дым, которым стану,
И песни неба обласкают рану,
больной души , как берег; – прибой.

Ты право, небо – я другой отныне!
Взгляни – во мне ни страсти, ни гордыни,
Ни праздности. Я полный сил опять,
Оставил всё. Тебе лишь верю слепо,
И тень свою, скользящую по склепам,
Учусь теперь по звуку узнавать.

Солнцестоянья факелы как милость
Прими, душа, ведь света справедливость –
Оружие безжалостней, чем враг.
Свет – чистота. Стань снова непорочной,
Вглядись в себя!.. будь света средоточьем,
Когда нет света, миром правит мрак.

Лишь для меня, а не для шумной славы,
Там, ближе к сердцу, где стихов октавы,
Меж бездной и несбыточной мечтой
Моё величье отзовётся, верно...
Пусть эхом, словно звук в пустой цистерне,
Но будет тайно навсегда со мной.

Ты знаешь, пленница тенистых кущей,
Залив, оградки хилые жующий,

Закрытых глаз сверкающий секрет,
Чья плоть влечит себя к концу лениво,

Чей мозг питает землю молчаливо? ...
Лишь искрой мысль о тех, кого уж нет...

Огонь бесплотный – святости примета,
Клочок земли, распахнутый для света,
Здесь хорошо, здесь светлый дух царит,
Здесь золото на камне в дымке синей,
На мраморе трепещут тени пиний,
Как будто море на могилах спит.

Пылающее солнце, пёс астральный!
Когда я здесь с улыбкой пасторальной
Своих овец таинственных блюду -
Ряды могил – прочь голубей пугливых!
Прочь идолопоклонников крикливых
И любопытных ангелов орду!

Здесь было всё - нет ничего на вырост,
А саранча сухой остаток выест.
Всё сожжено, разрушен мир и сух.
Не воздух – жар, он воспалён, как рана.
Здесь жизнь пьяна отсутствием, пространна.
Печаль без горечи и светел дух.

Здесь мертвые укрыты и согреты
Землёй, что сохраняет их секреты.
В зените полдень, верный сам себе,
Задумался, задерживая время...
Светило в совершенной диадеме,
Загадка превращений, я – в тебе.

Не знаешь ты причин для опасений,
Лишь я – живой исток твоих сомнений,
На грани диаманта лёгкий скол.
Но в ночь, когда надгробье стало домом,
Народ с обличьем странным, но знакомым,
Взял сторону твою, когда пришел.

Теперь их суть – отсутствие. Отныне
Их плоть не различима в красной глине,
А вдох последний перешёл в цветок.
Где смех особый, разговор обычный,
Таланта мера, взгляд на мир различный?
Личинки там, где прежде – слёз исток.

Истошный крик заласканной девицы,
Глаза и зубы, влажные ресницы,
Прелестная пылающая грудь,
Кровь на губах, призывных, ярко-алых,
Последний дар, прикрытый запоздало...
Под землю всё! Всё вновь в игру вернуть!

Душа, ты мнишь, что в вечных сновиденьях
Избегнешь блеска лживых обольщений,

Как здесь волны и золота родство?
Вновь запоёшь ли, дымом улетая?

Жизнь наша не заполнена до края,
Святое нетерпение мертвое.

Скелет, бессмертия символ злато-чёрный,
Прославивший утешителем притворным,
Что грудью материнской смерть питал.
Нас благостная ложь его пленяет,
Да, он хитёр, но вряд ли что-то знает ...
Смех черепа - бессмысленный оскал.

Нет в ваших головах теперь сомнений,
О, предки! – вы истоки поколений,
Тех, что давно в подземной глубине,
Где червь-грызун хозяин настоящий
Не только вам, под мрамором лежащим,
Он жизнью жив и он давно во мне.

Что движет им? Ко мне любовь, быть может,
Иль ненависть? Каким орудьем гложет
Он плоть мою? Как мне его назвать?
Не всё ль равно? Когда ещё до тризоны
Меня он выбрал. Должен я при жизни,
Ещё живым ему принадлежать.

Зенон Элейский, мыслию разящий,
Пронзил меня насквозь стрелой дрожащей,
Хоть сам её полётом пренебрег.
Рожден я звуком, поражён стрелою.
Ужель тень черепахи мне закроет
Недвижного Ахилла быстрый бег!

Нет!... Устоять! Своё продолжить время!
Сбрось, плоть моя, задумчивости бремя!
Пей, грудь, новорождённые ветра!
Ты освежи мой разум воспаленный,
Верни мне душу, властелин солёный!
Вперед, в волну, мне снова жить пора!

Да! Море, бред твой истинно неистов!
Из шкуры барса балахон пятнистый,
Весь в ярких бликах солнца, как в огне.
Ты - гидра, захмелев от вод лазурных,
кусаешь хвост свой искристый, ажурный,
в смятении подобном тишине.

Свежеет ветер! Жизнь вперед стремится!
Трепещут книги тонкие страницы,
На гребне скал – солёная роса!
Раздайтесь волны, расступитесь воды,
Стихи мои, летите на свободу,
Где мирный кров, где ветер в паруса!

Alex RA

Надежда Буранова
(г.Минск)

Надежда Буранова родилась в Гомельской области Белоруссии. Окончила Белорусский государственный университет в Минске по специальности прикладная математика. Всю жизнь работала программистом, последние 15 лет — в должности ведущего программиста Объединенного института проблем информатики Национальной академии наук Беларуси. Люблю поэзию. Пишу стихи с 1997 года, хотя проба пера была ещё в юности. В 2007 году издан сборник стихов "Подари мне свой дождь", в 2014 году издан сборник стихов и прозы "Аромат времени". В 2023 году вышел сборник стихов и прозы «Солнечный остров» и книга «Павлюк Трус. Избранное. Перевод с белорусского». Кроме того в 2019 году вышли книги для детей на белорусском языке «У бабулі Надзі» и на русском «Разговорчики в алфавите, или Вкусная азбука», в 2021 году. — книга стихов для детей «Вместе с Вутшиком». Подборка стихов напечатана в Антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси "Поэзия русского слова", Минск, 2019.

Жить в одиночестве от города вдали,
Где из шумов остались дождь и ветер,
Где липы в одночасье расцвели,
И с мёдом чай вкусней всего на свете.

Где розы дразнят белою волной
И вишни брызжут, чуть надкусишь, соком.

Где только небо знает, что со мной,
И потому все мысли о высоком.

Где сброшен груз слежавшихся годов
И дом родной глядит глазами мамы.
Где старый сад прекрасней всех садов
И яблок вкус, как в детстве, тот же самый.

Где красный угол с тем же рушником
На старых, много видевших иконах.
Где каждый гвоздь в стене давно знаком
И те же звёзды в яблоневых кронах.

Жить в одиночестве, пусть несколько недель,
И засыпать в кровати детской, узкой.
Чтоб жизни суматошная метель
Не справилась с моей перезагрузкой.

Помню бабушкин дом...

Помню бабушкин дом. Рядом — яблочный
рай,
Сад колхозный до самого неба...
Дом стоит, но уже превратился в сарай.
Ни тепла в нём, ни запаха хлеба.

И по воле (дом помнит того малыша),
Повзрослевшего старшего внука
Грудой щебня лежит возле дома душа —
Печка старая. Молча, без звука.

А когда-то пылали поленья в печи
И трещали, и радостно было
От того, что яичница тихо скворчит,
Что теплом ароматным накрыло.

Что блины, словно солнца, ложились на стол,
И волшебными были ухваты.
И казалось, так будет хотя бы лет сто,
Но у всех есть печальные даты.

За деревней хозяйка на кладбище спит.
Рядом поле ржаное под небом.
И когда поднимается солнце в зенит,
Пахнет здесь васильками и хлебом.

Бабье лето

Потянулись облака
К югу, словно птицы.
Не поймать их сентябрю
В сети паутин.
Отсверкали за рекой
Тихие зарницы,
Только лето не спешит

От меня уйти.

На пригреве у окна
Нежится калина,
Дразнит алой красотой,
Примеряя шаль.
Потому и хороша,
Что всегда любима,
Даже если на ветвях
Снежная вуаль.

Солнцу рыжему сродни
Бархатцы на грядках.
И звучит негромкий хор
Стройных георгин.
Дремлют бабочки, шмели
На цветочных прядках,
И ласкает небеса
Журавлиный клин.

Остаётся совершить
Мне всего полдела:
Снять душистый виноград
И отбросить грусть.
И согреют в холода
Сердце изабелла
И надежда, что опять
В лето я вернусь.

Такая нынче выдалась зима:
На берегу реки рыбак скучает,
А рыба спит. Ни щуки, ни сома.
И вместо снега — крылья белых чаек.

В лучах заката бронза тростника
Колышется лениво над водою.
Смущённо розовеют облака,
Несспешной проплывая чередою.

И ни намёка в сонных тополях,
На синие снега, морозы, выюги.
Травой пожухлой выстлана земля,
И в воздухе осенний дух округи.

Стремительно меняется прогноз:
Природа демонстрирует капризы.
И к нам на въезд не получили визы
Ни снегопад, ни выюга, ни мороз.

В прозрачном кружеве берёз
Сияет март голубоглазый

И неба снежные проказы
Не принимает он всерьёз.
Метель нежданная с утра
Белила тротуары, кроны.
И цвет замазала зелёный,
Но солнца луч решил: пора!

Он смыл белила в пять минут,
А серой и огромной туче
Сказал, что несомненно лучше
Ей за рекой найти приют.

И тёплый ветер с высоты
Слетал на улицы к прохожим,
Ласкал деревья и кусты,
Спасая их от зябкой дрожи.

Сирень раскрыла, разомлев
На солнечном пригреве, почки.
И зазвучали веток строчки,
Как тихий медленный напев.

Дни осыпались жёлтой листвою,
Тщетность всей суэты обнажив.
Я учусь у природы покою:
Замер клён облетеший, но жив.

И скучое, вполголоса слово
Потаённой древесной души
Ветер делает песнею новой,
Чтоб ветвям не грустилось в тиши.

А потом будут песни метелей,
Песни выюги, чей голос высок.
Но вернётся в наивном апреле
В крону чистый живительный сок.

Зашумит и прибавится лето
К прошлым дням, нарушая покой.
Клён в обнимку с весёлым рассветом
Мне призываю помашет рукой.

Переводы с белорусского

Владимир Короткевич
История с первой любовью

Счастье тех лет представляю
Девчонкой вешней порой.
Загорелая, умная, злая,
Шутила она надо мной.
Помню, как лет в шестнадцать,
От любви одуревший вконец,

Смотрел сквозь забор я на счастье,
Долговязый романтик-юнец.
А счастье гуляло по саду,
Наряженное в перкаль,
Себе и птицам на радость,
А мне на грусть и печаль.
Разинув рот, как ворона,
Смотрю я в чудесном сне
На счастье, что садом зелёным
Идёт, приближаясь ко мне.
Сковала взглядом лазури
И сладко, как тот соловей,
Просит глаза зажмурить
И гладит по голове.
Нежности полные реки
В сердце моё плывут.
Крепко сжимаю я веки,
Жду... Не могу вздохнуть...
А девчонка с глазами лучистыми
Соседу, тупому, как бот,
Одуванчик воткнула быстро
В широкий, как ступа, рот.

Максим Танк

Камни

Гостей я ждал, и вот они
Стучат о мой порог —
Все камни там, все валуны
Крутых моих дорог.

Все, как один, следы несли
Моих наивных снов;
На каждом шрамы пролегли
От тёмных туч, ветров.

Я каждый камень узнавал:
Когда встречал его,
Когда на нём я отдыхал
И разжигал огонь.

Вот этот — близок, как родня,
Был под моим окном;
Вот этим — бросили в меня
И крови след на нём.

Но был из всех валун один,
Кого я не узнал.
Кто он, откуда, где бродил,
Незваный, как попал?

И лишь по снежной белизне,
Тому, как он дохнул
В лицо холодной тьмою мне
И в сердце заглянул, —

Я догадался, кто пришёл,
И рюмкой угощал.
— Пришёл, ну что же, хорошо,
Так пей! — ему сказал.

Вот только не о чём (молчи!)
Нам говорить в миру:
Договорился я в ночи
С ветрами, что в бору,

И с птиц крылатою семьёй,
И с талою водой,
И с громом, чтоб смогли весной
Забрать меня с собой.

Звезда упала, и на миг
Мне показалось, вдалеке
Среди созвездий золотых
Ты промелькнула в тростнике.
Я вёсла в чёлн свой положил,
Простые снасти рыбака,
И, паруса подняв, поплыл,
Тебя пытаясь отыскать.
Но водной глади блеск ночной
Крутых касался берегов,
И видел я перед собой
Следы кругов, одних кругов.

Пимен Панченко

В сумасшедшей августовской ночи,
Развязавшей чёрную суму,
Сотни тысяч звёздных многоточий
В мокрый мох летят, пронзая тьму.

Млечный Путь
Мне голову и сердце
Поразил. И край сосновый мой
Стал вдруг продолжением смотреться
Звёздной тайны, древней, вековой.

Болтовня про атомы — пустое,
Красота имеет свой закон.
Только это небо золотое
Навсегда взяло меня в полон.

Загадайте, парни и девчата,
В жизни это сбудется у вас...
Звёзды, отодвиньте час заката,
Я люблю вас,
Я влюбился в вас.

Бывало, что в детстве выходишь из леса,
А солнце зашло, и туман по низинам.
И вдруг ощущаешь, что лесная завеса
Сурово и мрачно глядит тебе в спину.

И страх оглянуться, но вот оглянулся,
Таинственно всё, никого не заметил.
Домой, испугавшись немногого, вернулся,
Но не расскажу, не заплачу, как дети...

Теперь за столом я в бессонные ночи
Неясной тревогой охвачен порою.
Так спину бурают глаза, что нет мочи,
А как оглянусь — никого за спину.

Последний день весны и первый лета.
Граница где?
Такой границы нет.
И в холод чьей-то лаской ты согретый,
И в зной вдруг обожжёт зимы привет.

Всё это жизнь,
Где юность, зрелость, старость
Свои отметки в нас переплели.
И в нас мечты, как в юности, остались,
А молодость мы взрослыми прошли...

Клянёмся, что живём все очень дружно,
Но первый друг мой дом совсем забыл,
Второй пресыщен, смотрит равнодушно,
А третьего и сам я разлюбил.

Идут года.
Ряды друзей редеют.
А новых не найти, пожалуй, мне...
По скверам клёны молчаливо рдеют,
И скоро ветры скажут о зиме.

Хочу впитать я всё, что жизнью светится,
Трудиться, сколько сил душа найдёт,
Пока не пошатнёт мой небосвод
Зимы жестокой злая гололедица...

Жизнь в радости и горести — единое.
Мне в комнату влилось
Такое дивное:

То дети листья жёлтые в ней бросили.
Последний летний день
И первый — осени.

Владимир Жилка *Замчище*

Окружены широким рвом с густой травою
Остатки замка — молчаливые руины...
Здесь знатный князь когда-то славил род
старинный,
И вести по земле о нём неслись мольбою.

Теперь же древних стен печальные развалы,
Тревожит ветер, пыль сдувая вековую,
Ночами совы стонут здесь напропалую,
На день нетопыри скрываются в подвалы.

В деревне ближней убелённый сединою
Старик поведает, как страшно там порою,
О тенях дев, что нижут бусы из росы
И по дорогам с жуткой песнею снуют,
О молодой княжне невиданной красы,
В высокой башне загубившей жизнь свою.

Осень

О дивный свет прозрачных дней осенних,
Природы молчаливость и покой.
Подарком пущ, их золотистой сени
Пришла печаль и пала над водой.
А там застыла ясность далей чистых
Над озимью и чёрной целиной.
И лёгкий холод среди кос лучистых
Разлило солнце неживой волной.
Кругом следы немого умиранья,
Величие нездешнего молчанья.
Смотрю покорно сон земли лазурный.
И в глубине мечтающей души
Царит покой холодный и безбурный
И отцветанье ясное в тиши.

Lluís Peña

Андрей Душечкин
(г.Минск)

Андрей Андреевич Душечкин – белорусский актёр театра и кино, педагог, литератор, заслуженный артист Республики Беларусь (2004). Родился 8 февраля 1960 года в городе Минске в семье народной артистки СССР Александры Ивановны Климовой и актёра-педагога Андрея Валентиновича Душечкина-Корсакова. После окончания школы поступил в Белорусский театрально-художественный институт, который окончил в 1981 году (курс Раевского В. Н.). С 1981 года – актёр Национального академического драматического театра имени М. Горького, где он работает по сей день и является ведущим мастером сцены. С 2004 года – старший преподаватель кафедры театрального искусства в Белорусском Государственном Университете культуры и искусств. Является членом Союза театральных деятелей Беларуси, членом Союза кинематографистов Беларуси, членом Белорусской гильдии актеров кино. Андрей Душечкин является членом Союза писателей России и Беларуси. Автор книг: «По ту сторону зеркала», «Отражения», «Письма луны», «Два неба», «Осколки чувств», «Колесо на обочине», «Костер», «Кофе на столе». Обладатель многочисленных наград.

Вдребезги

Я смотрю в разбитое зеркало,
Там осколки от прожитой боли...
Там остатки от пройденной жизни
Отражаются каплями крови.
Я касаюсь поверхности пальцами
И уже не боюсь пораниться,
То что было – уже не воротится,
Что осталось – оно и останется.
И узором покажутся трещины,
Как морщины,
Что на руки брошены,
Расскажи мне, разбитое зеркало,
Расскажи хоть немного хорошего,
Пусть осколки не только режутся,
Норовят уколоть,
Сделать больно,
Насмотреться позволь мне,
Понежиться,
Быть счастливым не так уж крамольно.
Сколько раз я пытался склеивать,
Собирал, резал пальцы и душу,
Только ты в мои слезы не верило,
Словно дождь, что не верит в сушу.
Сколько мне отпущено времени,
Все равно и уколет, и ранится,
Отражение в зеркале вдребезги,
Так наверно со мной и останется.

Суметь не выжить, а прожить

Суметь не выжить, а прожить!
Пройти над пропастью по краю,
И каждым мигом дорожить,
Пусть мимолетен, пусть случаен.
Суметь простить, когда нельзя,
Пускай длинна, трудна дорога,
Словно по лезвию скользя,
Одолевать свою тревогу.
Упал – вставать,
Пусть нету сил,
Не хныкать,
Пусть разбиты губы,
Смотри, как лес в снегу застыл,
Но к небу поднимает срубы.
Отдать, что можешь
И забыть,
Не помнить, что рука давала,
Не отвечать на зло,
Любить,
Хотя и этого так мало.
Суметь увидеть в пустоте
Вселенную,
Бежать вдогонку,

И видеть солнце в темноте,
И Бога,
Что в глазах ребенка.

Напутствие

Чтоб стать мудрей,
Придется ошибаться,
Чтоб стать сильней –
Придется проиграть...
Тут главное не сдаться,
Не сломаться,
Сильнее тот,
Кто снова сможет встать!
Сильнее тот,
Кто болью всего сердца
Все осознал и сделал шаг вперед,
Но только так,
А не в норе от света
Упрятавшись, не открывать свой рот.
Не по течению плыть,
А только – против,
Держать штурвал, когда девятый вал,
Принять судьбу –
Раз осень, значит осень,
Иди один,
Раз кто-то не позвал.
Смотри в глаза,
Не прячь ни чувств, ни взгляда,
И от врагов глаза не отводи,
Не бойся клеветы, ножа и яда,
Если однажды встретишь на пути.
И помни,
Чтоб оставаться человеком,
Им для начала надо просто стать,
Шагай смелее,
Прямо в ногу с веком,
В котором жить,
В котором умирать.

Мой раскрашенный Пьеро

Мой раскрашенный Пьеро,
У тебя в глазах иголки,
Твоя маска не спасает
Ни от боли, ни от зла,
Так зачем под фонарями
Ты стоишь смешной
И тонкий,
Словно голубь среди стаи,
Черной стаи воронья.
Ты открыл глаза ребенка,
Твоя маска улыбалась,
Эта роль тебя любила,
Обрекала на успех,
Твоя первая иголка
Прилетела незаметно,

Как среди аплодисментов
Незаметен будет смех.
А потом пошли другие,
Все в глаза,
Чтобы больнее,
Чтобы злее и хитрее,
Чтоб запомнили глаза,
Ты наивно думал, глупый,
Что от роли мир добре,
Что твоя по жизни нежность,
Будет чистой как слеза.
Но в слезу добавят крови,
Те, кому ты улыбался,
Для кого ты так старался,
Мой раскрашенный Пьеро,
И в твоих глазах иголки,
И пора уж собираться,
Ведь спектакль давно закончен,
И на улице темно.

У истины так много лиц

У истины так много лиц,
У лжи – всегда одно,
Оно похоже на волчиц,
Что с ночью заодно,
Они опасны в темноте,
Они на свет рычат,
И ложь их пенится в слюне
Для будущих волчат.
У истины дорога там,
Где можно обрести,
Где, если топь среди болот,
Попробуют спасти,
У лжи всегда финал один -
Позор и наговор,
Туда не следует идти,
Там только сор и вор.
У истины в глазах светло,
И в них не видно дна,
Смотреться в них всегда легко,
Там мыслей глубина,
А ложь глядит слепым зрачком,
Словно змея в норе,
Ей свет глубинный незнаком,
Она – как червь в коре.
Одна дорога – два пути,
Там истина,
Там ложь,
И сам решай, куда идти,
Где правда,
Где соврешь.

Я в улыбке твоей утону

Я в улыбке твоей утону
И в ладонях сгорю до пепла,
Это счастье – стоять на краю,
Когда сердце от счастья ослепло!
Может быть эта роль не моя,
Я наверно ее не сыграю,
Словно пальцы, вцепившись в края,
Позволяют держаться у края.
Это здорово –
Перевернуть
Вверх ногами и землю, и небо,
И всю нежность свою протянуть,
Словно нитью,
До звездного света,
И, увязнув, брести в облаках
Вместе с птицами
В дальние дали,
И остаться в твоих руках
Горсткой пепла
Любви и печали.

Я иду, переступая...

Я иду, переступая
Через беды и печали,
Расставания и встречи,
Через ночи, через дни...
И туманы, что случайно
Улеглись на мои плечи,
И рассветы, что случайно
Постучались в мои сны.
Я иду, переступая
Через реки и озера,
Через годы, через слезы
И мосты, что сожжены,
Оставляя на дороге,
Оставляя за порогом,
Оставляя за надеждой
Свои строчки и стихи.
А когда идти устану,
Я ползти наверно буду,
Через правду и неправду,
Через подлость, через фальшь,
И страна, что нет на карте,
Будет ждать меня обратно,
Там где детство, там где юность,
Где всегда отец и мать.
А когда ползти устану,
Я лететь, наверно, буду
В синем небе, белом небе,
Красном небе,
В облаках,
И засну уставшей птицей,
И в ладони тихо лягу,

И уйдут мои тревоги,
Там, у Бога на руках.

Рыба

Я эту рыбу отпустил с крючка...
Пусть уплывает,
Кто меня отпустит,
Я сам давно заложник поплавка,
Ныряющего в омуте из грусти.
Я сам давно у жизни на крючке,
И бьюсь хвостом о борт рыбачкой лодки,
Но я сорвусь!
Быть блюдом на столе
Не для меня,
Уж лучше костью в глотке.
Я все эти приманки обхитрю,
Уйду на глубину, когда придется,
Охотников я с детства не терплю
И рыбаков,
Что ловят где придется.
Я уже стольких избежал сетей,
И столько видел бурь
И грозных далей,
Что мне плевать на этих егерей,
Чтобы меня на блюде подавали.
Пусть словно пульсом бьет моя строка,
Соединяясь с радостью и горем,
Я эту рыбу отпустил с крючка,
Пускай плывет туда,
Где видит море.

Остановка

Ехать не на чем,
Все разобрали,
Гумилев – на своем трамвае,
Маяковский – на пароходе,
А Есенин – на борзом коне,
Ничего не оставили мне.
Ни войти, ни зайти, ни проехать,
Ни в историю, ни в пустоту,
Я бы умер, наверно, от смеха,
Только темы такой не найду.
Я стою на пустой остановке,
Все уехали,
Не с кем идти,
Обхитрили предательство ловко,
Кто веревкой, кто пулей в пути.
Только если никто не напишет
Как Есенин,
Хотя бы строку,
Что потомок наш гордый услышит,
Что узнает на этом веку,
В чем найдет утешенье от яда,

Что нам щедро в стаканы нальют?
Я стою – никуда мне не надо,
Пусть немного еще постою.

Блокнот

Мне до неба не дотянуться,
Мне не коснуться его рукой,
Но, чтобы к облаку прикоснуться
Я дотянусь до него строкой...
Строчкой в блокноте,
Том, что в кармане,
Манит покорностью слов
И страниц,
Я буду в небе и утром ранним,
И с косяком перелетных птиц.
Так зарифмую,
Что звезды навстречу
Сами ко мне сквозь миры полетят,
Я буду ждать их,
Я сердцем их встречу,
Я точно знаю, как звезды глядят.
Белого аиста не приручают,
Он прилетает, когда хочет сам,
Я ему строчками путь пролагаю,
Чтобы почаже заглядывал к нам.
Я сочиню свою белую птицу,
Я нарисую в тетради гнездо,
Строчками выстелю,
Пусть мне приснится
Белая птица,
Что бьется в окно.
Чувствами всеми
И всем кровотоком
Строки надеждой наполни свои,
Пусть пробиваются судьбу, словно током,
Пусть оживляют мечтанья мои.
Вечер, сентябрь,
Одиночество в двери
Просится гостем холодной рукой,
Белая птица вернется,
Я верю,
Строчкой в блокноте
Оставшись со мной.

Мой ангел из воска

Мой ангел из воска,
Ты плачешь,
Свеча догорает...
День тихо уходит,
Скрываясь за край небосклона,
Мой ангел из воска,
Он словно печалью стекает,

Бросая свой свет
Во тьму полусонного дома.
Мой ангел из воска,
Ведь ты неизбежно растаешь,
Лишь только свеча
Загорится огнем искупленья,
И зная об этом,
Ты так неизбежно страдаешь,
И видя все это,
Ты даришь огонь вдохновенья.
Уже все ушли,
Кто остался – уйдут понемногу,
Один ты со мной,
Мой единственный, добрый
И верный,
Скажи за меня
Что-то очень хорошее Богу,
Тебя он услышит
И что-то ответит, наверно.
Свеча догорает,
И капли стекают на блюдце,
Останься, мой ангел,
Мне здесь без тебя одиноко,
День тихо уходит,
Как листья, что скоро сорвутся
И лягут к ногам,
На пустую ночную дорогу.

За окнами снег
И опять непогода...
Прощаются дни уходящего года,
Уходят, прощаются, падают,
Тают,
Белесой метелью следы заметают.
Никто их уходу уже не перечит,
Все было-свидания, проводы,
Встречи,
Все было,
Дорога стелила курсивом,
Красиво, не очень,
И все же, красиво.
Но дни уходящего в прошлое года,
Предвестники елок горящих у входа,
Предвестники новых дорог и свершений,
Падений и взлетов,
И новых решений.
И свечи зажгутся Рождественской ночью,
И все будет снова,
Навек и воочью,
И только печаль, что за окнами тает,
Считает минуты,
Считает, считает...

Сергей Тарасюк

Альбина Морозова
(г.Мюнстер)

Родилась в г Горьком 18 февраля . Отец Вильям Иософович Капительман - инженер, мать Анна Львовна Халфина- экономист.. Закончив 7 классов школы с похвально грамотой поступила в Горьковской дизелестроительный техникум,, затем семья я, мать, отец и брат Леонид переехали в Одессу в 1954 году, где я закончила Машиностроительный техникум и работала после два года в Кременчуге. В Одессе работала сначала на заводе " Кинап", затем Скбарс при заводе Радикально сверлильных станков, параллельно закончила Одесский Политехнический институт. С 95 года в Германии. У меня первый разряд по шахматам и по туризму. Пишу рассказы. Имею сына и двух внучек.

Рассказы.

До смешного дешёвая путёвка на 3 недели на Кавказ под кодовым названием " Перевал Бечо", и подробности: маршрут 46 первой категории сложности, дешевизна, как компенсация моей несостоявшейся любви (а что это, вообще, такое),, из за которой я и дернулась на Кавказ, не подозревая, что слова, сказанные в шутку могут быть пророческие.

24 года, взрослая девица, не отличалась никакими спортивными данными, наоборот, в любых соревнованиях всегда последняя. Единственная мотивирующая черта-

экстремальность (да, были такие проявления).

Не было тогда лёгких пуховых курток и удобных рюкзаком, вместо этого мамин синий ватник и по крашенный в зелёный цвет мешок для картошки с пришитыми лямками наподобие рюкзака, да и 20 открыток с обратным адресом для связи, ввиду отсутствия в то время телефоном. И вот, с этой эмуницией я сидела ночью на вокзале в Минводах, пересадочный пункт из Одессы в Нальчик, где была первая база похода. Там бы должны были отдыхать 5 дней, которые не прошли для меня бесследно.

В любой поездке, где бы я не была, я «обрастала» людьми, что для меня было важным, можно сказать, что в отличии от других коллекционеров, я «коллекционировала» людей, и обратила внимание, что люди отличаются друг от друга только по своей сути, независимо от национальности, религии и цвета кожи. Вот и Нальчик, здание турбазы в центре, напротив парк, недалеко по лесной тропинке озеро, туда я и направилась, со мной ещё трое девушек. Песок тёмный, как в Тенерифе, очень жарко, полезла в воду, плаваю плохо, но хорошо держусь на воде и не боюсь. Доплыла до середины озера, открылась картина, симпатичный парень в лодке, как оказалось, Володя из Москвы, здесь служит, и в увольнении. " Откуда, Вы, русалка?", – «из Одессы» (с гордостью отвечаю), « Вот как, приехали из Одессы купаться в этой луже, и если Вы такая рискованная девушка, полезайте в лодку», - что я и сделала, а так как мы оба любили петь, то пели и не что-то, а о Риме, о спящем городе, по которому мы, якобы, ходили, а от прогулки в замок, который был виден издали, отказалась. Когда оказались на берегу, девушек там уже не было, проводил до турбазы, с намерением ещё встретиться, если отпустят. Больше я его не видела, но след остался.

Прогуливаюсь с девушкой вечером по Нальчику познакомились с двумя мужчинами, один иранец лет 30-ти, другой местный 19-ти лет, как он сказал . Я разговорилась с ним, оказался очень интересный в беседе; а у меня тогда (может и теперь, в какой-то степени) существовал тест на душевную совместимость, по типу « Любите ли Вы Брамса, любите ли Вы Баха», и если да, полный восторг, вот ведь как. И этот 19 летний кабардинобалкарский юноша прошёл тест. Возвращаемся к себе на

турбазу, и узнаем о трагическом происшествии; на площадке перед турбазой танцевали местные парни, все стояли вокруг и смотрели. Вдруг выбежал один из туристов и со словами: « Вы не так танцуете, я покажу как надо стал танцевать». Обиженный, уязвленный местный ударил его ножом, попал в сонную артерию, и он упал замертво. Тут подошёл милиционер, одна из девушек указала на нападающего, и его скрутили. На другой день мы должны были ехать дальше, турбаза вдоль ущелья Баксана недалеко от Тегенекли (Теснина). Турбаза на высоте 800м над уровнем моря, между двумя высокими горами, и мы, получается как в колодце, отрезанные от всего мира, только высоко небо и звезды над головой. Брезентовые палатки с четырьмя кроватями, и танцы разных народов (со всех концов страны собраны в группе) на единственной площадке под фонарём. Ночью я проснулась от света фонарика в глаза и на секунду увидела лицо, склоненное надо мной и успела заметить войлочную шляпу. « В палатке кто то есть» , - сказала я, когда стало темно. Жанна, соседка по комнате, сказала, что мне показалось. На следующий день узнали, что за нами поехали вслед, искали девушку, которая указала милиционеру на убийцу. Кажется, не нашли. На следующее утро, после поверхностного мед.осмотра (приседания 100 раз, и после - замер пульса) мы отправились в первый радикальный поход в горы, с тем, чтобы вернуться обратно. Наш инструктор Борис, сван, 22 года, и, как я потом узнала, четырехчасовый маршрут сократил до 2 ух; (он и остальные быстро ходят, иногда "срезают" серпантин), когда у них кончался привал, я только подходила и не успевала отдыхать. В группе были горнолыжницы из Тарту и геологи из Тюмени. Я хриплым голосом вещала: «Боря, пинить, вот, вот, подйдём, скоро родник.» Не помню, почему с собой не было воды, да и все равно, она была бы тёплая, такая жара, и мы шли в купальниках, с собой несли еду в рюкзаках. Пункт, база, куда мы шли, называлась «Южное Бечо», там мы готовили еду и ночевали в спальных мешках. Кто - то собирал эдельвейсы, но мне было не до них. Утром мы возвращались, чтобы на другой день пойти другим маршрутом, нам предстояло восхождение на Пикет 105(3850м)и Приют 11 (4100м). На другой утро с дрожью в коленках и с надеждой в сердце собирались в следующий

поход. На этот раз шли по инструкции, как положено. Надо заметить, что тогда ещё не было никаких подъёмников, шли постепенно, шаг за шагом, серпантином и оказались в желаемом месте, вокруг снег, там как раз место для лыжников, мы отдыхаем на камнях, подстилив одеяла, многие «сгорели» на солнце, мазались потом маслом, разными кремами, и вот тут, наконец, я была в выигрыше, моя кожа негроидного типа выдерживала кавказское солнце. И тут не обошлось без знакомства - горнолыжник из Перми, на которого я произвела впечатление и тем, что не « сгорала», а он на меня, так как тоже прошёл тест. Но наши пути, как и водится, разошлись. Наш путь лежал на Приют 11, пройти такой путь, чтобы приютиться , надо задуматься хорошо. Пульс 140, у другой девушки, наоборот - 40. Надо бы сложить и сделать среднее арифметическое. Тут я вижу ладонь с протянутой белой таблеткой - кремлёвская, от сердца. Не усомнившись, терять то нечего, принимаю, залезаю в мешок и сплю до утра. Утром - претензии, таблетка была слабительное, не спали ночью, хотели посмотреть, как я буду в спешке вылезать из мешка: обманула их надежды. Всё хорошее или плохое имеет обыкновение кончаться. Спускаться было гораздо веселее, ещё со знанием исполненного долга. Предстоял переход через перевал Бечо « с вещами на выход». Сейчас он недоступен, другая страна.

Итак, мы в селении Шухра, собственно, село где - то далеко виднеется, а у нас огороженная территория с палатками и спальными мешками внутри. Об импровизированной столовой я уже говорила, имеется ещё маленький дом, клуб, где имеются кое - какие книги и.. шахматы, а как же без них. Вот в этот, так называемый клуб, стало подходить местное население мужского рода, так сказать, сваны ; это ж Сванетия , детка. Мы тоже, ничтоже сумявшись (есть такой оборот речи) туда подвали, началось знакомство, предлагали Чачу, типа водки, но я это не люблю, а сыграть в шахматы всегда пожалуйста. Когда стала выигрывать, то ко мне появился нездоровий интерес, типа, женщина не должна выигрывать у мужчины. Насколько я помню, дело то было давно, один из проигравших настоятельно предложил мне остаться там с ним, и на мой естественный отказ последовала угроза быть ночью

похищенной. В нашей группе был староста Сергей, геолог из Тюмени, я ему сказала об угрозе, а он пообщался с милиционером, который как пианино в кустах , оказался на территории базы. Это было замечено аборигенами, и Сергею передали угрозу, что он живым не уедет, и в любом случае поедут за нами в Местию, следующая наша цель в 25-ти км от Шухры. Как узнала от одной из наших туристов, Жанны, которая с ним более общалась, Серёжа был напуган. Когда надо было укладываться спать, меня устроили в палатке с мужчинами, я залезла в спальный мешок с головой ; вход в палатку зашнуровывается Я быстро заснула, но в какой - то момент открыла глаза и увидела ночное небо над головой, не успела удивиться и тут же опять заснула. Утром узнали, что, собираясь сдержать слово, шарили по палатками, естественно, расшнуровывали, но меня не нашли. . Я уже писала, нас было 36 человек, все были погружены в грузовые машины и с радостью покинули это уютное место. До Местии, столицы Сванетии 25 км. Туда - то мы и направились с надеждой на всё хорошее.

Прощаемся с Баксаном, с нашей полюбившейся турбазой, и с полными рюкзаками идём по направлению уже известного нам «Южное Бечо», чтобы там переночевать,надо было успеть до двух часов ночи, надеть атриконенные ботинки и 4 часа в пути на перевал. Днём лед тает и тяжело идти, а такие ботинки не так скользят по льду. К нам присоединился альпинист с большим рюкзаком, наполненным книгами, вроде кандидат наук, ему необходимо было Туда, и надо было с кем - то идти. Вот он - то и сыграл решающую роль, и каким- то образом мне помог. Я ощущала себя в ловушке со своей тахикардией, была в себе не уверена. Наш инструктор Боря шутил, и все подшучивали, Сергей, наш староста, геолог из Тюмени, дружески хлопнул меня по плечу, мне показалось это больно, я ещё больше испугалась. «Южная, солнечная Одесса, сидела бы ты лучше со своей мамой в Аркадии» - шутил наш инструктор, и в числе прочего, предлагал вернуться с проводником, и самой добираться до Сухуми. Для меня это было вообще ужасно, сидеть одной в горах много часов и ждать проводника. Я лежала в спальное мешке, около меня сидел « кандидат» и тихим голосом причитал: « Вы пройдёте, Вы пройдёте, Вы знаете, каким я был слабым, на

меня подуешь, я как травинка.» .Разбудили нас в два часа ночи, мы обулись в эти самые килограммовые ботинки вместо кед, и надели на себя всё вещи , зато рюкзак стал легче. "Южная солнечная Одесса становится за мной, и все идут, как она" - скомандовал Боря, и я стала подыматься на задержанном дыхании; впоследствии он стал называться методом Бутейко. Ощущение, когда мы ровно в 6 утра поднялись на вершину, совершенно непередаваемые, это те моменты, ради которых стоит жить, это праздник, который всегда с тобой, под тобой плывут облака, и ты не чувствуешь под собой земли, вернее, снега, в который я легла, сняв куртку, ну и тут забота, чтоб я немедленно встала, а то как, разгоряченная и в снег? Я была названа «мисс Бечо», и мне вручили подарок, который оставила предыдущая группа, кажется шоколадка и банка консервов. Мы переобулись в кеды, хотя на спуске тоже был лед на определённой высоте. Проводник и инструктор вбили ледорубы и протянули канат между ними, чтобы держаться при спуске, и не свалиться в ущелье, которое там было справа. Так вот, я сбежала, не держась за канат, потому что путь был, наконец, вниз, под общее улюлюканье, мол как так, потом говорили, что я симулировала. Постепенно спускаясь, раздевались до купальников и шли ещё 13 часов вдоль ущелья, где течёт река Ингурци. Вечером мы пришли на турбазу в селение Шухра. Импровизированная столовая, брезентовая крыша, деревянные столы и скамьи. Меня назначили дежурной и я натаскала воды из колодца и варила обед, так как я ничего не делала до этого.

В столице Сванетии Местию наряду с родовыми башнями, существующими с четвёртого века нашей эры, находится горсовет с памятником Ленина у входа, что как- то успокаивает - привычная картина, да и кровати вместо мешков. Ну и танцы, а как же без них, всегда в движении, а там уже другие сваны, один очень даже симпатичный, нашлись общие темы, в результате - адрес на бумажке (как впоследствии узнала, у Жанны тоже адрес от него, только другой), потом отъезд, посадка в тот же грузовик, последний прощальный взгляд на Сванетию и свана.Дорога вдоль ущелья Ингурци настолько узкая, что не видно расстояния от колёс до края ущелья, и ты как будто летишь над пропастью с песней о любви к жизни. Впереди Зугдиди, небольшой город Абхазии.

Посмотрим, что там нас ждёт. А там - баня, всякое очищение, обновление; иду из бани, спокойно, никого не трогаю (известные слова, но, я действительно так иду), останавливается машина с предложением подвести до турбазы, а я спокойно продолжаю идти, а он за мной на машине, потом выходит и нудным, монотонным голосом предлагает какие - то удовольствия; в результате уходит с угрозами, типа, все равно увидимся, знаю, куда едите, опять испорченное настроение у меня, у всех остальных прекрасное, на турбазе танцы. Я жалуюсь и остаюсь виноватой, почему, мол, только у меня такие проблемы, Едем в цивилизованный город, столицу Абхазии Сухуми, а там большая турбаза, целый палаточный город. Нас ждёт встреча с обезьянами из известного питомника, встреча (может, если увидим) с монахами из Нового Афона, поездка на Озеро Рица с её форелями (не в озере, а в ресторане), заслуженный отдых после всех перепитий, ну и канешно, море, не такое солёное, как в Одессе. И здесь, на пляже подходит человек и просит спички, чтоб закурить, и тут я окончательно расслабилась и, можно сказать, осмелела, пощупив: «А спасибо» ; и вот за это мне обещали отомстить , опять испорченное настроение, не надо шутить (вспомнила эпиграф к рассказу). Но жизнь остаётся прекрасной во всех её проявлениях. Благодарна жизни за все, за все уроки, которые она даёт, за возможность увидеть Кавказ, прочувствовать его природу, его величие. Уже, будучи дома, не могла отойти от воспоминаний, и ещё была Там. проснувшись утром и увидев в окне купол Преображенского собора (жила напротив), подумала: Новый Афон.

Ярослав Пичугин
(г.Москва)

Родился в Москве в 1953 г. Закончил МГТУ им. Н. Баумана. Автор 10 поэтических сборников, в том числе: «Сирени» (2008), «Древо лет» (2013), «Зимнее яблоко» (2018) и многих публикаций в периодике. Член СП Москвы. Работает в редакции журнала Всероссийского общества глухих «В едином строю». Серьезно занимается фотографией. Член Международного художественного фонда (фотохудожник). Провел несколько персональных выставок, имеет публикации. Живёт в Москве.

Белой ночью, словно днём,
Вдоль Фонтанки, ближе к Саду,
Грусть свою мы пронесём,
Не печали, а отраду...
Там шаги хранит гранит:
Николая вспомним, Анну...
Запах липовый разлит,
Пронесём его, как прану.
Вдоль мостов и фонарей
По июньскому маршруту,
К саду Летнему быстрей,
превращая час в минуту.

ТОЛЕДО

Поднимаясь улочкой Толедо,
Я смогу увидеть небо
Чистоты бездонной – здесь без следа
Кони и Бориса, Глеба
Проскакали в выси над собором,
Проскакали в неизвестность,
Словно бы над русским дальним бором,
Посетив и эту местность.
Посетив, сей город над обрывом,
Где волной играет Тахо,
Говорящий станет – молчаливым,
Как глухой, скорбя над прахом.
Ведь недаром здесь по воле рока
Всё живут под оком Спаса
Рыцари без страха и упрёка –
Те же, с похорон Оргаса.

Отсекаются ветви от дерева,
Но само оно стало сильней,
Отсекаются справа и слева,
Отсекаются думы о ней.
Пусть растет мечты моей стебель,
Где небесные длятся мосты,
Легче в небо стремиться и в небыль
Где немеркнувший свет от звезды.

Уходят прочь Бастилии,
Но остаются маски,
Истории флотилия
Приблизится к развязке...
За масками железными
И век встаёт железный,
Слезами бесполезными
Подмачивая бездны...

На дно погрузившись колодца,
Попробуй и песенку спой,
Но что то не очень поется,
Подводный присутствует сбой.
Пройдешься путем водоема,
Стихийно вернётся беда,
Совсем не имея объема
Свой путь продолжает вода.
И вот она льется и льется,
Чужой переходит порог,
Уходит в глубины колодца
И свой завершает итог.

Когда такая благодать,
Как осень, бродит в отдаленье,
Ей, право, стоит подыграть,
Прервав на миг оцепененье.

Вглядись внимательно – вода
Проход откроет в светотени,
И в зазеркалье нас тогда
Уводят лесенки ступени.

Уводят вниз, на глубину,
Где задержались отраженья
И цвет победы, как вину,
Не отличить от пораженья...

СВЕТОВОЕ ЭХО

1

художник
странствует
в песках пустыни
в песках-снегах
нетающего света
где окликает нас
среди пейзажей
снежных
все то же
световое эхо

2

все художники
дети бога
поэтому у них
нет отчеств
скажите имя
ответит эхо

поэт Басё
идет в пустой
босой вселенной

незримый
колокол света
бродит и бродит
зимой

всем бы поэтам
быть боякими
бегом по снежку
вслед за Басё

листвою сентябрит
у нашего крыльца
и с инеем обрит
уже овал лица

а там ищи-иди
как свищут ноябри
и снегом наследи
на всем пути зари

какая бродит тиши
когда встает река
и словно бы из ниш
слетают облака

на оснеженный лес
смотри не говоря
он заново воскрес
с начала декабря

МЕТЕОРЫ

Старо-новая Эллада
Нам покажет эти храмы,
Все для сердца и для взгляда
И ни капли от рекламы.

Горы дня и горы ночи
Поднимаешь словно шторы
Расстояния короче,
Когда рядом Метеоры...

И на скалах эти храмы
Взгляд уводят в бесконечность,
Вот и вырвались из рамы
В лунную ночную местность.

И являются без спора
Горы – Божьи пустыри,
Где метафорой простора
Встали в ряд монастыри.

Наталья Седова
(г.Золочев, Львовская обл.)

Родилась в Херсоне, там же в 1981 году закончила педагогический институт. Преподавала русский язык и литературу в старших классах гимназии. Сейчас на заслуженном отдыхе, но любовь к профессии и детям храню и буду хранить в душе до конца дней. Стихосложение для меня – свобода выражения мыслей и чувств, потребность души с ранних лет по сегодняшний день.

Уходя – уходи

"Уходя – уходи," –ветер северный осень торопит,
Напряжённо вздыхая, сметает в овраги
листву.
Безразличны ему и мятеж, и,тем более, ропот
Тех, кто осенью бредит во сне и в стихах
наяву..."

Много ль, мало ль таких, не расскажут об этом статисты,
Умолчат и о том, сколько птиц замерзает в лесах.
Жаль мне алуую розу, обвившую арку
плетисто,

Королеву без буклей,
Кармен без цветка в волосах...

"Кто бы нас пожалел!" - сердце с мыслью
расчётливой спорит.
Провоцирует ветер тоску, как лисицу
охотник на лис,
И пугает ворон, полагая, что это ускорит
Отсиявшей красавицы закономерный релиз.

2)

Волшебный зонтик

Где бы взять такой волшебный зонтик,
Чтобы от несчастий уберёг,
Замаячивших на горизонте?
По какой пойти из двух дорог,

К радостям и пропасти ведущих,
Но не обозначенных никак,
Чтобы очутиться в райских кущах
С этим самым зонтиком в руках?

А потом, приумножая чудо,
Переслать тому, кому нужней...
Как с бедою, что невесть откуда
Объявились, жить, смирившись с ней,

С этой необузданною силой
Мощностью в космический болид?
Как мне боль свою осилить, милый,
Если сердце у тебя болит?..

3)

Правда жизни - горькая наука

Без учёта маленьких поправок,
Всё у нас с тобою вышло в плюс.
Жизнь - наука сложная, и навык
Обретенья счастья тороплюсь

Применить на практике повторно,
Но уже в совсем другом ключе,
И от плевел отделяя зёрна
(по ночам при тлеющей свече),

Прихожу к простому пониманью,
Что обиды наши - сорняки.
И не важно мне, что там, за гранью,
И не важно, что давно виски

В инее с серебряным отливом -
Не большое горе седина...
Важно хоть немного быть счастливым
В мире заболевшем, где война -

Опухоль на теле всей планеты,
А хирург сказал: "Здесь я не Бог..."

Если б это всё было во сне, то
Наш союз сложиться бы не смог.

Я теперь живу одною явью,
Нелицеприятной злой дни,
Но тебя, любимый, не оставлю,
Если не оставишь ты меня...

Правда жизни - горькая наука,
Не в пример поэзии любви,
Где амур, стреляющий из лука,
Оставляет сладкий яд в крови.

4)
Наверное, я всё ж имею право...

Подъёмы чередуются с упадками...
Неужто все причины - в голове,
Когда и звёзды кажутся лампадками,
И первая пороша на траве

Имеет сходство с погребальным саваном,
И страх плетёт свою паучью сеть?
Наверное, я всё ж имею право на
Вселенскую печаль... Уже не петь

Ветрам сладкоголосым пасторалей,
А хором выть ночами на луну...
Мы двигались к чему-то по спирали,
Не ведая, что пережить войну

Придётся далеко не понарошку,
И это будет наш последний шанс
На выживание, увы. Стирает в крошки
Опавшую листву мороз, и в транс

Деревья погружаются до самой
Весною именуемой поры,
Пока зима, усевшаяся в сани,
Под птичий свист не спустится с горы...

5)

Пролог к зимней сказке

Придёт зима, хрустальною указкой
Касаясь поздних ягод и травы,
И станет мир вокруг суровой сказкой,
Где царствует молчанье и на швы

Стволов скрипучих престарелых сосен
Снег налипает как защитный жгут.
Придёт зима, и мы забудем осень,
Те сумерки, когда на дачах жгут

Холмы листвы, печалью не страдая,
Жильцы, и прячут в схроны инвентарь.
Придёт зима, насмешница седая,
И древняя ворона каркнет: "Встарь,

Лет сто назад, покруче были зимы,
А что теперь? Ни пользы ни вреда..."
Но это блеф. Зима неотразима,
Как ангел белый с сердцем изо льда.

Судьбы-проказницы подножки,
Вопросов к ней спотыкачи...
Надежды отблески в окошке
От догорающей свечи...
И мы, как бабочки чумные,
Что пребывают в полусне,
Летим на свет в часы ночные,
Уверовав, что по весне
Тоска, рассыпавшись до праха,
Утратит временную власть.
Ноябрь. И осень-тонкопряха
Устала паутинки прясть.
Погода - шаткие качели,
Сезон туманов и костров...
Всё просчитав, зима и челядь
Из верноподданных ветров
Команды сверху ждут на старте,
Сзывая выюг шальную рать.
А мне тайком от них о марте
Мечты записывать в тетрадь...

Дмитрий Авраменко
(г. Иерусалим)

Родился в 1964 году 4 апреля в городе Зима Иркутской области. Учился в 26-ой школе. В пятом классе поступил в детскую художественную школу, которую закончил вместе с общеобразовательной . В 1980-ом поступил в Иркутский государственный политехнический институт на геологоразведочный факультет. Увлёкся альпинизмом, учёбу забросил и весной 1981-го был призван в армию. После артиллерийской учебки служил в Монголии писарем. С 1982 по 1984 служба в армии. После демобилизации поступил в Иркутский Педагогический институт на исторический факультет, потом перевёлся на филологический. Десять лет работал театральным художником и комедийным актёром в студенческом театре им. Паустовского. С 1992-го устроился в фирму по ремонту квартир. В 1999 с семьёй уехал в Израиль. По настоящему разрешил себе писать поздно, в 36 лет, хотя баловался сочинением стихов лет с пяти.

Всё-таки осень — пора голубых листопадов. В наших местах не бывает других, ну так что же? Небо просторней от северных птичьих парадов стало как будто, и сердце приятно тревожит. Значит, возьмёмся следить за движением ветра. Будем встречать из далёких краёв караваны. Свечи достанем, пластинки — теперь уже ретро... На зиму строить начнём безнадёжные планы. В этих заботах, неведомых новому миру,

дни потекут, словно почерк в тетрадке, прilежно.
Станут заглядывать в съёмную нашу квартиру;
ангел вечерний — печально и утренний — нежно.

Конечно, будет там, за пыльным пледом
Оглохшей улицы, за скромным, тихим садом
С оливами под тонким синим небом,
Пастись лениво облачное стадо
На меловых холмах Иршалаима,
Обласканных песчаными ветрами .
Конечно, если хочешь, вместе с ними
И ты броди над этими холмами .
Пусть день прольется, сам себе не равен,
На голову твою, без дат и сроков.
Приляг на этот теплый, серый камень -
Он, верно, помнит времена пророков.
Над вечностью не стоящей овчины
Заплачь навзрыд о прожитом без веры,
Как плачут терпеливые мужчины,
Да ишаки груженые без меры.

Ребаб

Ни для кого не господин , не раб-
будь счастлив и наполнен чистым светом,
но как гудит безжалостно ребаб
разбуженный жарою этим летом:
цедят цикады голос пустоты,
стеклянно шелестят сухие травы,
колючей сирой чёрные кусты
объвили камни траурной оправой.
Всё, что я раньше знал о чудесах
ты мне представил мороком и ложью,
и я иду у смерти на глазах
по воздуху пронизанному дрожью.

Ночи мои точно сажи печные черны.
Дни мои ясныя тянутся словно зачины
скучных историй, которым они не нужны,
всё наперёд объясняя без всякой причины.

Время течёт и пока непонятно куда,
лучше прилечь на скамейку в промокшей аллее.
След за спиной заливает, стирает вода.
Я засыпаю и нет, ни о чём не жалею.

Слепому трость подай, а мне каноны.
Дай слову громкому глухой налёт стыда
И жгучей страсти... Сдержанность иконы,
Необходима, всё же, иногда. —
Так прожил я всю зиму и всё лето —
В простой работе. А по выходным
Ходил гулять и любоваться цветом
Оливковым и нежно-голубым...
Не истребимым в наших палестинах
Ни солнцем, ни короткими дождями.
На коже кракелюр, как на картинах
Полотен старых, прибавлялось с днями,

Прошедшими в согласии с душою —
Мне осень жизни нравилась такою.

Подали нынче мне вина и хлеба
По случаю, в кафе полупустом.
По крашеным полам скользило небо,
Струилась пыль под белым потолком.
В потоках убывающего света
Резвилась оживлённо мошара
И плавная река забвенья Лета,
Шумела в голове — пройдёт и это...
Пора, пора! Рога трубят... пора.

Смешно сказать, тому, кто этим дышит...
Нет слов, чтоб описать ненужность их,
Когда сгоняет пыль с прогретой крыши
Широкий ветер дующий в залив .

Когда тебя тревожит эта малость —
Тугая вата серых вечеров :
Их фонарей плывущая усталость
И гулкий , торопливый стук шагов .

Все это— чья-то жизнь , но как ни странно,
Она твой поводок и повод жить!
Так капнувшая капля из под крана
Рождает жажду и желанье пить .

О чём поёт — не понимаю,
Но ясно и без перевода,
Когда душа моя немая
Из горла рвётся на свободу.
Мы так с тобой повечерели—
Терпи! Чего уж там осталось?

Летучий голос не тебе- ли
Легко несёт Мария Каллас?
Давай, дойдём уже до края,
Вдвоём, к пока неясной цели
Воображаемого рая—
Твоей юдоли и купели.

Ну да, ну да — печаль моя светла...
Забвение — не худшее лекарство.
Метёт неспешно дворничья метла
Вчераших будней мусорное царство,

Окурок мой... я, помню, загрустил,
выкуривая эту папиросу,
О том, что не было желания и сил
Построить дом над меловым откосом.
Вчераший смех, он всё ещё звенит
Осколками разбитого стакана.
Больной на голову весёлый инвалид
Пил из него первач и пел осанну
Рассвету робкому. Где тот теперь рассвет? —
Испепелился, выцвел понемногу...
Я ничего не взял с собой в дорогу,
Вступая в новый день и в новый свет.

Ни прошлого, ни будущего нет.
Я вышел налегке, и слава Богу.

В скошенном поле продрогших осин
Островок
Режет ослепшего неба густое бельмо.
Дождь сургучом запечатал бечевки дорог,
словно готовит тебе заказное письмо.

Черного хлеба горбушку живая душа,
Солью присыпав, в охотку жует под дождем.
Важные письма доходят до нас не спеша...
Что ж, пожуюм, поживём, помолчим,
подождем..

Вот еще один прошел со свистом
Скорый пассажирский без меня...
Слушали Бетховена и Листа
листья—пожиратели огня.

Ну и пусть, чего грустить об этом?
Сожалеть — пустое ремесло.
Здесь давно не продают билеты
Тем, кого от станций унесло...

Замело поля вокруг порошай,
На дороге черной ни души.
Скорый пассажирский рельсы крошил,
С посистом судьбу мою вершил.

Ветка качнётся, у паперти хилый цветок
Небу раскроет бутон невесомою верой.
Нет никого, тишины неотложный глоток
утро пропишет душе полновесною мерой.

Дальше известно, покатится день как
всегда.—
Бог бережёт дураков, работяг и пророков.
Скучно мне стало с людьми, вот такая
беда.—
Впрочем, она не относится к списку пороков.

Кузнецик цокнет, с ветки миндаля
Сорвётся в сумрак трепетная птица
И робкий свет водой из хрустала
Прольётся с гор, и город озарится

Цветными брызгами разбитого стекла,
Роскошь зябкой в придорожных травах —
Всё это миг, когда добра и зла
Не существует в отблесках кровавых.

Вот и рубеж, и захочешь — не выскочишь
далее;
Синее небо, оливы стареют без фальши,
Птицы щебечут, кружатся орлы над горой. —
День оплывает, как будто уже не со мной.

Между корней, на серебряных струнах играя,
Серый паук развлекает доверчивых мушек.
Я прижимаюсь к траве, я к земле привыкаю,
Развоплощаясь в кудрявый зелёный горошек.

Всё жду чего-то, да и диво ли?
Ну, а пока
Проходит жизнь неторопливая...
Как облака...
Так, будто мне ещё отмерено
Прожить сто лет
Под этот сердца неуверенный
Кордебалет.

76

Цветная кошка улеглась под бок.
День к вечеру скользнул. Пришла прохлада.
Так нынче верилось, что есть на свете Бог,
А рая нет, как, впрочем, нет и ада.
Чем занят Он, я не берусь сказать.
Возможно, старицкими делами...
И в тоже время божью благодать
Делю, как хлеб насущный между нами.

День прошёл... и так мне хорошо
Подымить неспешной сигаретой.
Стала ночь длиннее на вершок
И темней вопросы без ответов.

Равнодушны к миру и войне,
Три звезды за мною наблюдают—
Красный Марс, Венера золотая
И вон та, неведомая мне.

Я люблю этот скверик заброшенный
За характер его нелюдимый,
За сияние красных горошин
Его фенечек неповторимых.

За нестриженный хаер деревьев
И небесного цвета джинсу...
Словно старую юность пасу
Под весёлый роман Апулея.

Брожу по комнатам покорствуя судьбе
В тяжёлом бархате теней и лунном ситце.
Сосед вполголоса играет на трубе
Полночный блюз — вот и ему не спится.

Его бессонница с бессонницей моей
Сошли в бетонном здании под крышей,
А выше — небо полное огней
И что-то, бесконечно неба выше,

Спать не даёт. Так мучают слепца
Отсутствием названия и меры,
Но это слово было у Творца
Давным - давно, ещё до нашей веры.

Lluís Peña
Fotografía

Михаил Цойреф
(г. Герцлия)

Михаил Цойреф – бывший ленинградец, физмат школа, выпускник Политеха. Работал с 1976 по 89-й на ленинградских электростанциях дежурным инженером. С января 1990 г живёт в Израиле, в Герцлии – городке на море, чуть севернее Тель-Авива. Работал по специальности на Тель-Авивской электростанции. Завлаб. Писать прозу начал году в 2014 году или чуть раньше в надежде, что внуки когда-нибудь прочитают. А потом пошло... – начали печатать и вообще понравилось–

Финский след

Собственно о Финляндии, имея в виду географическую близость с Ленинградом, мы знали не то, чтобы больше, но как-то осязаемее что ли, чем, скажем, о далекой Франции, с ее рыцарскими романами, мушкетерами и полнейшей недостижимостью. Вот, например, в продаже был чудесный финский плавленый сыр «Виола». И финские яйца. Яйца – это вообще особый случай. До их появления ведь как было? Плохо было совсем, даже анекдот ходил - «Загадка: что это – глаза злые, хвост длинный, яйца маленькие и грязные? – Очередь за яйцами в Ленинграде». Я ещё маленький был, но прекрасно помню – у нас во дворе выходящем на Инженерную улицу их иногда давали. Сразу выстраивалась огромная очередь, поскольку прямо на входе

во двор была большая трамвайная остановка. Давали по десятку в одни руки и 5 на ребенка. Так тётки из очереди прихватывали нас, играющих во дворе, и выдавали за своих. Иногда по несколько раз. Я как-то спросил у одной, крепко державшей меня за руку: «А почему эти яйца такие грязные, и ещё с налипшой на них стружкой и пухом?» А тут, вдруг появились беленькие, чистые, одинакового размера. И... (барабанная дробь) с аккуратными печатями на каждом яйце. Помню своё недоумение – как такое вообще возможно? Потому, что всякий раз на ум приходила толстая тётка из ЖЭКа, с размаху, с грохотом ставившая печать на всякие бумажки. Короче, эта мысль покоя не давала и на голову никак не одевалась. Ах, да, и финское салами. Это, правда, было большим дефицитом но вполне достижимо. А ещё, поскольку моя 199-ая школа располагалась на площади Искусств, как раз напротив Русского музея, то Интуристовские автобусы останавливались прямо у школьных дверей и некоторые из наших на переменах клянчили у финнов жвачку и шариковые ручки. Они их либо выпрашивали, либо меняли на октябрятские звёздочки и пионерские значки, которые отбирали у ещё более мелких. А потом мы разъездили, и уехали. И в январе 90-го оказались в Иерусалиме с шестью чемоданами (по два на члена семьи) и с 240\$ (по 120 на взрослого). В принципе был и дальний багаж – целых два ящика, но он пришёл только в середине лета. На самом деле получил я разрешение только на один ящик, поскольку блаты не было, давать я не умел и боялся, да и не знал кому. Но тут ко мне обратился приятель – гинеколог – он уже отправил свои 14 ящиков, но по случаю прикупил ещё хрустальную люстру и искал, с кем бы её отправить. И спросил меня, не посодействовую ли я в этом. Ну, как я мог отказать? Тогда он для приличия спросил, сколько у меня ящиков, и когда понял, что только один, он тут же кому-то позвонил и назавтра у меня было уже 2 ящика. И почему, спрашивается, я не гинеколог?? Короче, сняли мы в Гило чудную двухкомнатную квартиру с видом, рядом с мамой и гинекологом. Но совершенно пустую. То есть вообще без мебели. Подумаешь, проблемы. С каких-то олимовских складов и просто с помоек я натаскал разномастных табуреток, тумбочку без одной ноги, журнальный столик, насквозь прожженный, как будто на нём

костёр раскладывали и пару сохнотовских кроватей. А чтобы прикрыть ожоги и шрамы на столе, я на вещевом складе разжился, нет не скатертью – не было там скатертей, но красивой занавеской. Я бы даже сказал, шторой. Там, правда, были какие-то оборочки и кольца для карниза, но мы их со стороны стенки определили и вышло классно. А в общем всё это ерунда, главное было то потрясающее чувство полёта и свободы, эти новые запахи, хрустальный воздух первой весны и влюбленность в Иерусалим.

А тут, вдруг, в марте, по ульпану (курсы иврита) прошёл слух, о том, что у нас в Иерусалиме некая финская благотворительная организация оказывает помошь бедным репатриантам на устройство. Но условие такое: нужно быть нищим. Причём они проверяют – неожиданно звонят и говорят, что будут у тебя дома через 5 минут, чтобы ты не успел распихать мебель и ковры по соседям. И если подходишь под их стандарт бедняка, то получаешь 1000 шекелей (моё месячное пособие на семью из трёх человек составляло 777 шекелей). Но не деньгами, а ваучером, по которому ты мог на мебельной фабрике получить мебели на 1000 шекелей. Ну чего, записался, адрес оставил. И вот звонок: «Are you at home? We will be at 5 minutes. Actually, we are already here»... Ойый.... я огляделся по сторонам – ведь я жулик. У меня же всё есть! Вот стул, вот тумбочка – okay, вместо одной ноги телефонный справочник - ну и что с того?? Даже кофейные чашки есть – okay, две без ручек, ну и что?? Зато какой вид на вечерний Иерусалим – это стоит всех чашек мира! И тогда, я в последнюю секунду сдернул занавеску со стола, обнажив следы всех сковородок и затолкал её под стол. Она вошла. Точнее даже не вошла, а оглядела салон с порога, тут же молча вытащила чековую книжку и подписала прямо на косяке двери. Даже кофе не попила. А я на этот ваучер приобрел себе отличный шкаф, который потом ездил со мной с квартиры на квартиру и прослужил нам 20 лет. Ps. И тем не менее, всякое жульничество бывает наказано. Этот шкаф мы собирали вместе с гинекологом и так спешили, что не установив заднюю стенку, стали его поднимать и он сложился у нас, вырвав с мясом крепления. Пришлось чинить.

Телефонный Декамерон

На всякий случай повторяюсь – служил я в 80-ые Дежурным Инженером на Южной ТЭЦ (в Купчино которая). А это значит по сменам, включая ночи, выходные и праздники. ТЭЦ – огромное хозяйство, сложное оборудование, которое работает 24/7. И, конечно, периодически что-нибудь ломается, и нужно принимать срочные меры – вызывать ремонтников и всякие службы. И для этого в моём распоряжении даже имелась аварийная машина.

А по некоторым вопросам приходилось связываться с разными начальниками, включая главного инженера и директора (но, это когда уже совсем капец наступал, и нужно было «оповестить» первое лицо). Чаще всего неприятности происходили ночью. И вот приходилось звонить Главному, скажем часа в три. Но я как раз не об этом, а о том как разные коллеги звонят в выходной из уличного автомата и просят перезвонить ему на домашний через полчасика – подойдёт жена – и позвать его к телефону, дальше можно повесить трубку, а он уже сам будет разыгрывать спектакль. Но я всегда ценил хорошую актёрскую игру и любил послушать, или даже поучаствовать в этом представлении.

– Алло!

– Александра Ивановича, пожалуйста (строгим голосом)

– Сейчас. (В сторону: Саша, там тебя, кажется опять с работы)

– Слушаю!

–

Дальше варианты:

1. – Что? Когда? Какое давление?(встревожено) А вибрация? (с нарастающей тревогой) Немедленно высылайте за мной аварийку. Подготовьте наряды/ бригады/ снаряды...

2. – Нет, ну почему всегда я?? (возмущённо) Вы Петрову звонили? Что? На даче?? А Сидорову? Что? Болеет?? Ладно, приеду. (с досадой в голосе) Но это в последний раз! Имейте в виду! Надоело, я имею право, наконец, провести выходные с семьей??!

А иногда приглушенным шёпотом, видимо из ванной: «МихалГаврилыч, позвони через 10 минут и срочно вызови на работу. Меня самого не будет, ты супруге скажи». И тогда:

– Алло!
– Виктор Андреевич! (тут лучше вообще не здороваться)
– А он только что с собачкой вышел.
– Скажите, как вернётся, чтобы срочно ехал на станцию - у нас аварийная ситуация.

И такая дребедень каждый (выходной) день - то олень позвонит, то тюлень...

А вот директор, бывший партийный функционер высокого ранга, очень важный, надутый чиновник, и, кстати, разведённый - тот совсем наоборот. У него как раз был роман с директором подшефного детского садика. То есть дама того же ранга, только по женской линии. Так он любил позовонить, точнее чтобы ему звонили с докладом. А он чтобы значит указания давал. Типа:

– Михаил Гаврилович, сколько выдаете в сеть?
– 530! (Mw)
– А с шин?
– (чёрт его знает, что он имеет в виду, но на всякий случай) - 600!
А с колёс?
– (ну это вообще запредельная чушь...) - 620!!
– Хорошо, держите меня в курсе.

Разговор передаю абсолютно дословно(!)

Или, помню, в аномально холодную зиму 84-го года, кажется, когда топлива действительно оставалось буквально на 3 часа работы:

– Михаил Гаврилович, доложите обстановку.
– ... Докладываю, ну, что, дескать, скорый капец грядет.
– А где эшелоны, которые я жду из Сибири? (звучит как, где армия Груш? Где конница Мюрат?) Я заказал 1.000 тонн флотского мазута - немедленно свяжитесь с дежурным по главку!
Это звучит, как свяжитесь со Смольным/Кронштадтом). А я звоню в Горком!
Впечатление на барышню свою производит. Театр...

Но если вернуться к телефонному Декамерону, то первый приз отдаётся моему

приятелю, детскому хирургу в N-ской больнице, что на Васильевском острове.

Помню, были они у нас в гостях, и вот курю я с его женой на нашей кухне на Лиговке, а он, стало быть, в комнате с Алкой. Тут жена его мне и говорит: «А, вот позвони ему сейчас на работу». О'кей, звоню на отделение, прошу его к телефону, а сестричка отвечает:

– Доктор З&&&ницкий на операции....

Alex RA

Регина Оберемко
(г.Калининград)

КУКУРУЗНОЕ ПЕЧЕНЬЕ.

В семье была традиция. Каждую субботу она пекла кукурузное печенье к вечернему чаепитию. Рецепт был старинный, можно сказать, фамильный. Такое печенье пекла ее бабушка.

Тонкие, хрупкие, тающие во рту домики, листики, звездочки.

Начиналось все с того, что бабушка просеивала муку через большое сито с деревянными краями. И над столом шёл снег, образуя холмик «сугроб» в центре.

Танечка, сидя на высоком стуле и качая ножками, тонким пальчиком рисует кружки на краю этого снегопада. Бабушка улыбается. Собирает «сугроб» уверенными движениями и превращает его в большой шар. Её такие теплые и мягкие руки ВМИГ стали сильными! Старая деревянная скалка делает из шара полотно с рваными краями. Танечка и бабушка железными формочками выдавливают из полотна листики, звездочки, домики и цветочки.

Соединенные вместе запах корицы, ванили и сливочного масла создают уютный аромат. Так пахнет Танино детство и суббота.

Таня помнит, как они с младшим братом сидят на корточках перед окном духовки. Цветочки, домики и звездочки, тая по краям, меняют цвет.

Конечно, ещё надо будет ждать, пока печенье остынет и бабушка посыпет его сахарной пудрой. Только тогда оно будет готово.

Но есть одно правило – исключение. Бабушка надевает цветные рукавицы, достает противень из духовки, ставит его на отколотую деревянную кухонную доску. Таня с братом стоят рядом, они ждут ещё немножко. Бабушка улыбается и дает Танечке одну, ещё горячую, хрустящую звездочку, а брату – домик. Дети, чуть обжигая пальцы, дуют на печенье, смеются и съедают его.

Оставшееся время субботы становится ожиданием того момента, когда вся семья соберётся за круглым столом, покрытым льняной скатертью с алыми маками. Красивые чашки с блюдцами из тонкого, прозрачного фарфора, вазочка с алычовым вареньем и горячий, пузатый самовар в центре.

Рядом с ним бабушка поставит большую вазу наполненную печеньем.

Танечка обходит вокруг стола и, привстав на пальчики, корчит рожицы, глядя на свое отражение в начищенных боках самовара.

Таня садится на кровати с трудом спуская ноги на пол. Вчера было сорок дней, как не стало Валеры. Вчера дом был живым, приходили его коллеги с завода, на котором он проработал главным инженером тридцать лет. Пришли ее подруги. Девочки помогли ей быстро приготовить ужин, накрыть стол. Когда гости ушли, перемыли всю посуду и ещё долго сидели на кухне, пили вино и вспоминали.

Дети не приехали. Таня сама сказала, что не надо. Это очень дорого и долго, надо лететь через океан. Леночка замужем за американским программистом, у них чудесные детки: Энтони и Элис.

А Владик ушел в рейс неделю назад, он судовой механик, и теперь его не будет полгода.

Они оба звонили вчера. Они оба теперь звонят ей каждый день.

Сегодня суббота. Таня надевает на голову косынку, заправляет седые пряди. Идет к столу. Сито с деревянными краями рассеивает облако муки. Ловкими руками Таня месит тесто.

Раскатывает тонкое полотно. Цветочки, звездочки, домики.

Противень в духовке.

«Для кого я всё это делаю?» – думает Таня, устало опускаясь на стул. Разглаживая складки на переднике, стягивает с головы косынку.

«Позову на чай Васильевну, » – решает она, глядя в окно духовки, где домики, звездочки, цветочки, тая по краям меняют цвет. Запах корицы, ванили и сливочного масла наполняет кухню ароматом. Так пахнет Танино детство. Так пахнет суббота.

Юрий Майзен
(г.Кельн)

Черныш и Рэкс

«Итак, что мы имеем?
Свой дом, хоть и не большой, но сухо и
относительно тепло. Хотя зимой спорный
вопрос.
Хорошее питание без всяких Но.
Круглогодично. Как говорится 24/7/365.
Вообщем, на полном пенсионе.
Никто ничего не приказывает. Свобода.
Но тут таки одно Но: цепь.
Так рассуждал Рекс, очень пожилой
деревенский ёс, потомок овчарки и двор
терьера.
Жаловаться не на что, окромя цепи. Хотя со
временем уже и к ней привык.
Да и здоровья уже богатырского нет. Точнее
вообще уже нет.
Глаза уже видят плохо, слух тоже не
юношеский.
А вот раньше...
«Точно про меня выражение : с цепи
сорвался.
Зеванет хозяин, меня уже и след простыл.
То в одном районе деревни видели, то через
считанные минуты совсем в другом.
Носился, сметая все и всех на своём пути... »

Тут перед глазами Рэкса пронеслись сотни
цветных картинок его ободраных боков,
порезанных лап, кровоточащего носа...

«А сколько я котов погонял.. Они щемились
во все дыры, услышав, что я опять сорвался». И так он летал по деревне, словно ветер до
полного изнеможния и острого чувства
голода.

Только эти вещи и нуждались пойти
повинившись вернуться домой, где опять
ждала цепь.

Так вечерами рассуждал Рэкс, погружаясь в
сон пожилого деревенского сторожевого пса.

«Почему меня забирают из семьи от мамы,
братьев и сестёр?» – подумал маленький
чёрный котенок, ещё час назад игравший
беззаботно в кругу семьи.

Потом раздался звонок в дверь и в дом
вошли люди.

Они стали разговаривать с его, котёнка,
вторыми родителями – такими же
человеками.

Потом смотрели все на играющих котят,
переговаривались и снова смотрели,
показывали пальцами на котят.

С ними были их дети, которые тоже
смотрели и капризно хлюпали носом.

В конце концов вновь прибывшие ткнули
пальцем на него, Черныша.

Тот же час его вторые родители взяли
Черныша в руки и передали пришедшему.
Пришедшие положили его в сумку и с тех
пор он больше не видел своих собратьев.
Поскучав несколько дней по своей семье,
Черныш принялся играть новыми
игрушками, хоть и в одиночестве.

Вообще-то у новых вторых родителей было
тоже неплохо. Игрушки, вкусная еда, молоко.
Он медленно привыкал и полюбил свою
новую семью.

В один из выходных поехала эта семья на
отдых за город, взяв с собой Черныша.

Это был загородный дом далеко от города на
берегу озера.

«Какой простор! Какие цвета и краски!» –
подумал маленький котёнок. Бегал по траве,
встречая новых незнакомых существ.

Вот кто -то красивый взмазнул красочными
крыльями и улетел.

В там какой-то зелёного вида таракан громко
сверчил...

Черныша бегал беззаботно и радовался всему
вокруг.

Периодически все его брали на руки и играли
с ним – и стар, и млад.

Через два дня проснулся он, почувствовав
непривычную прохладу.

Он потянулся и пошёл в дом погреться и
покушать. Но дверь оказалась заперта.

За дверью не было слышно никаких звуков. Котёнок ходил долго вокруг, но никто так и не появился. Не появился ни в этот день, ни на следующий.

Не знал Черныш, что его забрали из семьи, чтобы капризный человеческий детеныш с ним несколько дней поигрался. И когда тот потерял интерес к котёнку, того просто выкинули, как ненужную вещь ...

Так начал Черныш свою ещё детскую, но уже такую взрослую жизнь.

Он бродил по окрестностям , пытаясь завести новых знакомых или просто найти пропитание. Где-то удавалось найти кусок хлеба или чай-нибудь хозяйствский пёс оставил в миске ложку супа. Не все, с кем котёнок хотел познакомиться, желали этого. Кто-то просто прогонял его, а кто-то и царапал или кусал маленького голодного чёрного котёнка. Так он и бродил, пока медленно не стали наступать холода.

Брёл он из последних сил, теряя веру в окружающий мир и надежду на лучшее... Зашёл в очередной двор в надежде найти хоть что-то съедобное. Проходя мимо собачьей будки насторожился. Сейчас, наверное, опять выскочит очередной хозяйствский пес и пригонит его или покусает или даже загрызет.

«Ну и пусть, чем так жить» – подумал Черныш...

Рэкс все глубже погружался в сон. Ему уже стала сниться сахарная кость, хотя он давно уже не мог её разгрызть. Но это наяву. А тут он подходит к миске, отодвигает картошку, макароны и берет в острые зубы огромную кость с ещё достаточно большим куском мяса на ней.. Как вкусно...

«Мяу!»

«Это кость сказала? »

« мяу мяу мяу мяу... »

Кость выпала из зубов, и тарелка с супом стала растворяться...

Рэкс открыл глаза. Он уже почти ничего не видел, но отчётливо слышал эти « мяу», полные отчаяния.. Он принюхался.

Это кот!!!

Рефлекс приказывал выскочить из будки и наказать наглеца, но внутренний голос молчал. Рэкс раздумывал ещё некоторое время, затем неспеша, аккуратно оглядываясь подслеповатыми глазами, вылез из будки.

Единственно, что он смог увидеть, это тёмное пятнышко на выпавшем первом

снеге. Он подошёл поближе, ещё ближе, и ещё, пока не упёрся носом в этот тёплый комочек.

Комочек не убежал, а напротив, продолжал тихо жалобно мяучить.

В Рэксе боролось всё его естество. Прогнать, как в молодости, кота - наглеца или...

«Ну что же делать?» – спрашивал Рэкс себя снова и снова.

И неожиданно для себя лизнул это тёплый комочек. Комочек перестал мяучить и лизнул Рэкса прямо в нос.

И Рэкса это не то что обидело или разозлило, наоборот, что-то ёкнуло внутри.

Он подтолкнул носом комочек в сторону будки. Тот, в замешательстве,(страха уже не было в этом кошачьем ребёнке), шажок за шажком по-кошачьи подошёл к будке, заглянул...

Ещё полминуты и он шагнул внутрь.

Понюхал вокруг, прошёл в угол и, покопошившись немного, уютно прилёг, спрятав нос между лап.

«Будь что будет!» – подумал Черныш и заснул. Во сне он чувствовал, как что-то или кто-то его толкает, но не было сил посмотреть.

Утром, открыв глаза, Черныш увидел вчерашнего страшного пса, который ютился на остальном пространстве будки.

Скоро послышались шаги. Черныш напружиинился и оглянулся на собаку – та выбежала наружу, виляя хвостом.

На улице были слышны постукивания чего-то металлического, после чего опять послышались шаги, которые вскоре затихли. Котенок высунулся.

Пёс жадно ел парящийся суп, который чертовски вкусно пах... Пёс посмотрел на кота и пододвинул носом чашку ближе к коту. Тот вышел, все ещё с опаской, и подошёл к миске. Пёс молча смотрел на кота. Кот принял уплатить суп, пес стоял аккуратно рядом.

После обеда произошло знакомство.

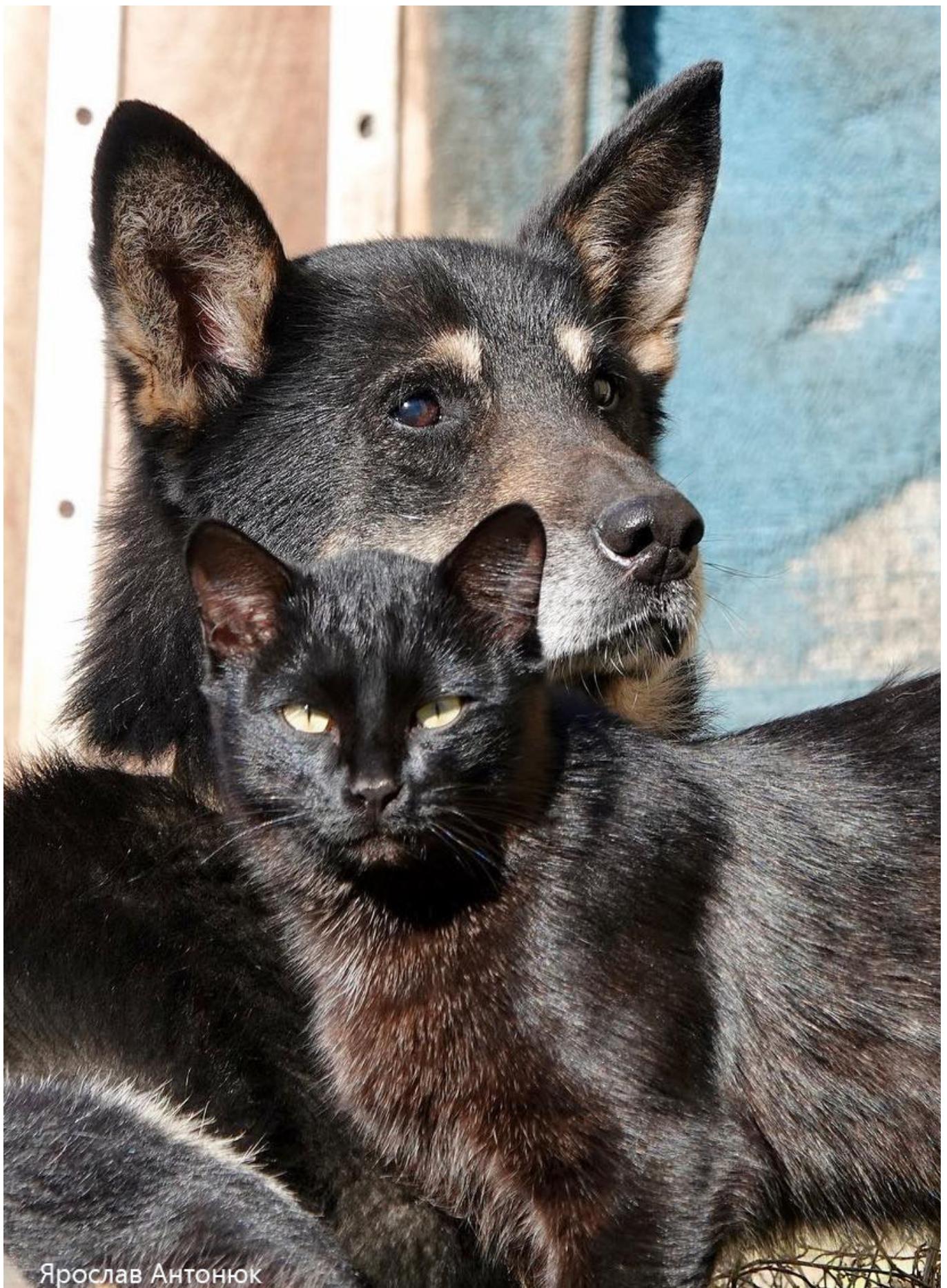
На одном известном языке:

«Я – Рэкс».

«Я – Черныш».

С этого момента они больше не расставались. Жили вместе в будке, если из одной миски.

Черныш стал глазами Рэкса, а Рэкс охранял их общий дом, пока ему не пришла пора уйти в долину...

Ярослав Антонюк